

На правах рукописи

ЗАМАРАЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ
ФОРМИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ ФОРМ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии

Красноярск – 2021

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Научный консультант:	Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор
Официальные оппоненты:	Дзякович Елена Владимировна – доктор культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», профессор кафедры теории и практики общественных связей; Тихонова Анна Юрьевна – доктор культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», заведующий кафедрой философии и культурологии; Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, главный научный сотрудник – руководитель отдела этно-демографических и интеграционных процессов.
Ведущая организация:	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Защита диссертации состоится «08» декабря 2021 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.029.02 при ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 82А, ауд. 4-42.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» <http://www.sfu-kras.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета

Лещинская Наталья Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования заключается в том, что развитие современной эпохи закономерно предопределяет формирование сложных форм социальных идентичностей посредством особых социокультурных практик и технологий. В условиях динамично развивающегося мира сложная идентичность связана у большинства людей с потребностью в одновременной принадлежности к нескольким социальным группам. На рубеже XX–XXI вв. общество переживает сложные диалектические процессы глобализации и регионализации, что способствует преодолению традиционных административных, географических, культурных и социальных границ и, благодаря этому, – формированию социально-культурных процессов, обусловленных широкой и изменчивой самоидентификацией с различными социальными и культурными группами.

Российская Федерация исторически сложилась как сложное социально-экономическое и культурное пространство, где различные социальные, экономические, политические, религиозные, этнические, культурные группы сосуществуют в сложном и многообразном единстве, пересекаясь и взаимоопределяя систему социальных коммуникаций. Для такого поликультурного сообщества явление сложной идентичности является достаточно характерным. Более того, без применения данного понятия в культурологическом анализе современных российских реалий невозможно будет понять ни закономерности социальной динамики России, ни указать на факторы, которые будут способствовать формированию общероссийской гражданской идентичности в позитивных аспектах. Явление сложной идентичности опирается на конкретные социокультурные процессы, в том числе, на интегральную культурную память россиян, на географические перемещения по огромному евразийскому пространству и освоение новых земель, на многоукладность экономических практик и традиционную культурную и социальную открытость, характерные для нашей страны на протяжении всей ее многовековой истории.

В науке концептуальное определение понятия «сложная идентичность» было сформировано в последней трети XX в. в социальных исследованиях, с начала XXI в. оно получило широкое развитие благодаря междисциплинарным исследованиям, позволившим ученым выявлять сложные формы идентичности как один из важнейших факторов социальной динамики. До настоящего времени синтез научных подходов в интегративную теорию идентичности не произошел, данная проблематика остается рассредоточенной по конкретным исследованиям и узким дисциплинам. К началу XXI в. в теории культуры возрастает интерес к идентичности как научной проблеме, и обнаруживается необходимость ее изучения в контексте закономерностей функционирования современного культурного пространства и межкультурных отношений. Культурологическая проблематика позволяет соединить разрозненные представления в концептуальное понятие «сложная идентичность» и выстроить приоритеты исследования в соответствии с современными социально-культурными отношениями, практиками и процессами.

С позиции современной теории культуры признание сложных форм идентичности в качестве позитивного фактора позволяет выявить основу для сокращения межгрупповой дифференциации и/или дискриминации. Формирование сложных форм идентификации уменьшает возможную дегуманизацию и повышает внутригрупповую и межгрупповую связность, способствует выстраиванию позитивных межгрупповых отношений, существенно снижает риски социальной напряженности и конфликтности. Позитивные социальные коммуникации в контексте сложной групповой и персональной идентификации становятся важными факторами эффективной государственной культурной политики в поликультурном мире современной России. Формирование сложной групповой и персональной идентичности дает дополнительную возможность группам и индивидам быть включенными в широкие социальные и культурные контексты, сведя к минимуму отрицательные социокультурные стереотипы, и тем самым, признавая многогранные позитивные социальные идентичности других, выстраивать в меньшей степени предвзятые отношения и в большей – позитивные социальные и культурные коммуникации. Способность распознавать и оценивать степень сложности идентичности особенно важна в контексте современных иммиграционных процессов, также выступающих объективизированным фактором формирования сложных этнокультурных идентичностей. Этническая идентичность формируется как одна из базовых социальной идентичности, в межэтнической среде этнокультурная самоидентификация приобретает комплексный характер, поскольку формируется в опоре на культурную и историческую память, исторические традиции и культурное наследие. Традиционные этнические и культурные ценности, как наиболее устойчивые и базовые, сохраняют социальные группы и общество в целом от распада и деструктивных процессов.

На современном этапе развития Российской Федерации ее национальные интересы выступают ключевыми, а управление национальными и межэтническими отношениями – важнейшим направлением внутренней политики. Вопрос многонациональной целостности как фактора формирования общероссийской гражданской идентичности во многом решается посредством сохранения и возрождения этнокультурного базиса. В связи этим актуальным является культурологическое исследование этногенеза и культурогенеза в тех российских регионах, где данный процесс имеет стабильную динамику и устойчивую структуру при отсутствии ярко выраженных деструктивных процессов и, наоборот, при сохранении позитивных межкультурных и межрелигиозных коммуникаций на протяжении длительных периодов развития.

Теоретико-культурным основанием исследования сложных форм идентичности как феноменов современной культуры послужили несколько предпосылок. Во-первых, в последние десятилетия социально-психологический, кросс-культурный, этнокультурный, культурно-антропологический, исторический и этнографический подходы сформировали исследовательское поле и привлекли внимание к сложной идентичности как культурной проблеме. Современная противоречивая социокультурная динамика осложнила понимание процессов

идентификации и факторов ее формирования в поликультурных сообществах, что вызвало поиск новых концептуальных и методологических обоснований и исследований в междисциплинарном контексте. Потребность в выявлении и научном анализе основных механизмов, функций и факторов формирования данного явления вызывает необходимость культурологического исследования сложной идентичности как актуального процесса, формирующего современное социокультурное пространство, как в России, так и во всем мире. Во-вторых, эффективные культурные исследования ориентированы не только на количественный прирост современного научного знания, но и на обнаружение базовых процессов, предопределяющих социокультурное своеобразие того или иного общества. В соответствии с этим актуальным является изучение специфики процесса формирования сложных форм идентичности в контексте современной культуры и контекстно-временных форм процессов групповой и персональной идентификации. В-третьих, культурная специфика процессов сложной идентификации, выявленная суммой гуманитарных и социальных наук, позволяет направить теоретико-методологическое и эмпирическое исследование на создание научно обоснованной модели построения сложных форм идентичности в социокультурном пространстве Красноярского края как стратегически значимого региона Российской Федерации и диагностики характеристик сложной идентичности как феномена современной российской культуры.

Степень научной разработанности темы исследования: междисциплинарный подход к изучению сложной идентичности обусловил обращение к научно-исследовательским трудам по различным направлениям.

В философском осмыслении тема идентичности возникла в XVII в. и как термин и категория ряда наук (культурологии, этнологии, психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии) оформилась с середины XX в. Философская проблематика идентичности была проявлена в трудах Р. Декарта¹, Д. Локка², Д. Юма³, И. Канта⁴. Эти философы–классики и их последователи⁵ обосновали процесс формирования персональной идентичности в культурном пространстве и социуме. Дальнейшее развитие философского исследования идентичности протекало, в том числе, в русле научной психологии.

В психологическом контексте определения идентичности вошли в научный обиход благодаря анализу идентификационных процессов в психоаналитической теории З. Фрейда⁶ и эпигенетическом подходе Э. Эриксона⁷. Открытие

---

¹ Декарт Р. Соч. в 2 т. Т. 2. Размышления о первой философии. М.: Мысль, 1994. 633 с.

² Локк Дж. Соч. в 3 т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985. 560 с.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. О познании. М.: Канон, 1995. 816 с.; Юм Д. Исследования о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1994. 237 с.

⁴ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 347 с.; Фихте И.Г. Соч. в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. 1485 с.; Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.; Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993. 447 с.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.; Гадамер Х.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с., и др.

⁶ Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ, религия, культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 65–134; Его же. Толкование сновидений / под ред. В. Ивановой М.: Эксмо-пресс, 2017. 560 с.

идентификации как психологического механизма стало причиной разработки методик измерения личной идентичности и изучения её содержательных характеристик. Методологические разработки были осуществлены М. Куном и Т. Макпартлендом⁸, Т. Лири⁹, С.Р. Пантлеевым¹⁰, Д.А. Леонтьевым¹¹, Л.Я. Гозманом и др.¹². Концептуальная проблематика сложной идентичности Э. Эриксона обсуждалась и развивалась в различных направлениях психологии: психоаналитическом Дж. Марсиа¹³, А. Ватермана¹⁴; бихевиористическом М. Шерифа¹⁵ и Д. Кэмпбелла¹⁶, символическом интеракционизме Дж. Мида¹⁷, Э. Гоффмана¹⁸, Г. Фогельсона¹⁹; когнитивном подходе Г. Тешфела²⁰, Дж. Тернера²¹,

---

⁷ Эриксон Э. Идентичность, юность, кризис. М.: Прогресс, 1996. 133 с.

⁸ Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // *American sociological review*. 1954. Т. 19. № 1. P. 68-76.; Kuhn M.H. Self-attitudes by age, sex, and professional training // *The Sociological Quarterly*. 1960. Т. 1. № 1. P. 39-55.

⁹ Leary T. *Interpersonal Diagnosis of Personality: A functional theory and methodology for personality evaluation*. N.Y.: Ronald Press Company, 1957. 518 p.

¹⁰ Пантлеев С. Р., Столин В.В. Методика исследования самооотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.

¹¹ Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.

¹² Гозман Л.Я., Кроз М.В., Алешина Ю.Е., Загика М.В. Самоактуализационный тест (адаптация теста РОИ Эверетта Шострома). М.: МГУ.1984. 44 с.

¹³ Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // *Journal of personality and social psychology*. 1966. Т. 3. № 5. P. 551-558; Marcia J.E. et al. *Ego identity: A handbook for psychosocial research*. N.Y.: Springer-Verlag, 1993. 391 p.; Marcia J.E. et al. Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis // *Journal of adolescence*. 2010. Т. 33. № 5. P. 683-698.

¹⁴ Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement // *Developmental review*. 1999. Т. 19. № 4. P. 591-621; Waterman A.S. et al. Ego identity status, identity style, and personal expressiveness: An empirical investigation of three convergent constructs // *Journal of adolescent research*. 2000. Т. 15. № 4. P. 504-521; Waterman A.S. Identity as an aspect of optimal psychological functioning // *Advances in adolescent development* / G. R. Adams, T. P. Gullotta, R. Montemayor (eds.). Sage Publications Inc., 1992. P. 50-72.

¹⁵ Sherif M. et al. *The Robbers Cave experiment: Intergroup conflict and cooperation*. Norman, OK: University Book Exchange, 1961. 212 p.; Sherif M. *Group conflict and co-operation*. Psychology Press, 1967. 212 p.; Sherif M. *Social interaction: Process and products*. N.Y.: Routledge, 1967. 528 p.

¹⁶ Campbell D.T. Ethnocentric and other altruistic motives // *Nebraska symposium on motivation*. 1965. Т. 13. P. 283-311; Campbell D.T. Stereotypes and the perception of group differences // *American psychologist*. 1967. Т. 22. № 10. P. 817-829; Campbell D.T. *Social Attitudes and Other Acquired Behavioral Dispositions* // *Psychology: A study of a science*. Study II. Empirical substructure and relations with other sciences. Vol. 6. Investigations of man as socius: Their place in psychology and the social sciences, 1963. P. 94-172.

¹⁷ Mead J.G. *Reason, I and the Society (Mind, Self, and Society)*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 536 p.; Mead J.G. *Selected Writings* / A.J. Reck [ed.] University of Chicago Press; Phoenix ed edition. 1964. 488 p.; Mead G.H. *The Philosophy of the Act* / C.W. Morris, J.M. Brewster, A.M. Dunham, D. Miller [eds.]. Chicago: University of Chicago, 1938; Mead G.H. *The relation of play to education* // *George Herbert Mead: Essays on his Social Philosophy* / J.W. Petras (ed.). N.Y.: Teachers College Press. 1968. P. 27-34.

¹⁸ Goffman E. *The presentation of self in e veryday life*. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre. Monograph No. 2, 1956. 162 p.; Goffman E. *Behavior in public places*. N.Y.: The free press, 1963. 248 p.; Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. N.Y.: Simon and Schuster, 1963. 168 p.

¹⁹ Fogelson R.D. Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects // *Psychosocial theories of the self*. 1982. P. 67-109.

²⁰ Tajfel H. Social identity and intergroup behavior // *Social science information*. 1974. Т. 13. № 2. P. 65-93; Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge university press: Cup Archive, 1981. 384 p.; Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge university press, 1982. 523 p.

²¹ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E.J. Lawler (ed.). Psychology press, 1985. Т. 2. P. 77-122; Turner J.C. *Social influence*. Eng.: Open University Press, 1991. 206 p.; Turner J.C. *An integrative theory of intergroup conflict* // *The social psychology of intergroup relations* / W.G Austin, S. Worchel (eds.) Chicago: Nelson-Hall, 1979. 429 p.; Turner J.C. *Some current issues in research on social identity and self-categorization theories* // *Social identity: Context, commitment, content*. 1999. Т. 3. № 1. P. 6-34; Turner J. C. et al. The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence // *British Journal of Social Psychology*. 1986. Т. 25. № 3. P. 237-252;

Г. Брейкуэлла²². На фундаменте статусного подхода Дж. Марсии сформировался ряд методик по измерению психосоциальной идентичности, которые расширяются за счет альтернативных теорий (например, М.Д. Берзонский²³, Х.Д. Гротевант²⁴, А.С. Уотерман²⁵, В.М. Куртинес²⁶, Г.Р. Адамс²⁷, С.Дж. Шварц²⁸, Дж.Э. Котэ²⁹). В российской науке статусный подход развивался в исследованиях В.Р. Орестовой³⁰, С.А. Татарко³¹, психодиагностические инструменты представлены И.С. Клециной³², Н.П. Белопольской³³. Статусный подход имеет ограничение не позволяет уделить полноценное внимание статусной взаимосвязи³⁴.

В XIX–XX вв. культурными антропологами был предложен инструментарий для анализа устойчивых переменных, влияющих на формирование сложной идентичности на индивидуальном и групповом уровнях. Р. Хэлдон, Б.К. Малиновский³⁵, А.Р. Рэдклифф-Браун³⁶, Р. Бенедикт³⁷, М. Мид³⁸, Дж. Хонигман³⁹,

---

Turner J.C. Toward a cognitive redefinition of the social group // *Social Identity and Intergroup Relations* / H. Tajfel (ed.). Cambridge University Press, 1982. P. 15–40.

²² Breakwell G.M. Coping with threatened identities. Psychology Press, 1986. 234 p.; Breakwell G.M. et al. The distinctiveness principle: Identity, meaning, and the bounds of cultural relativity // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Т. 4. №. 4. P. 337–354; Breakwell G. Social representations and social identity // *Papers on social representations*. 1993. Т. 2. P. 198–217; Breakwell G.M. Social representational constraints upon identity processes // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* / K. Deaux, G. Philogène (eds.). Blackwell Publishing. 2001. P. 271–284.

²³ Berzonsky M.D. Identity style: Conceptualization and measurement // *Journal of adolescent research*. 1989. Т. 4. №. 3. P. 268–282.

²⁴ Grotevant H.D. Toward a process model of identity formation // *Journal of adolescent research*. 1987. Т. 2. №. 3. P. 203–222.

²⁵ Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement // *Developmental review*. 1999. Т. 19. №. 4. P. 591–621.

²⁶ Kurtines W.M., Szapocznik J. Family psychology and cultural diversity: Opportunities for theory, research, and application // *American Psychologist*. 1993. Т. 48. №. 4. P. 400.

²⁷ Adams G.R., Marshall S.K. A developmental social psychology of identity: Understanding the person-in-context // *Journal of adolescence*. 1996. Т. 19. №. 5. P. 429–442.

²⁸ Schwartz S.J. The evolution of Eriksonian and, neo-Eriksonian identity theory and research: A review and integration // *Identity: an international journal of theory and research*. 2001. Т. 1. №. 1. P. 7–58.

²⁹ Côté J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity? An appraisal of the field // *Identity*. 2006. Т. 6. №. 1. P. 3–25.

³⁰ Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дис... канд. псих. наук. Москва: 2001. 207 с.; Орестова В.Р., Карабанова О.А. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго-идентичности Дж. Марсии // *Психология и школа*. 2005. №. 1. С. 39–90.

³¹ Татарко С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии // *Психологическая диагностика*. 2009. №. 1. С. 1–39.

³² Клецина И.С. Гендерная психология: практикум. СПб.: Питер, 2009. 496 с.

³³ Белопольская Н.Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания. М.: Когито-Центр, 1998. Вып. 2. 24 с.

³⁴ Syed M., McLean K. C. Understanding identity integration: Theoretical, methodological, and applied issues // *Journal of adolescence*. 2016. Т. 47. P. 109–118.

³⁵ Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.; Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения // *Антология исследований культуры*. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 371–384.

³⁶ Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 416 с.

³⁷ Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // *Антология исследований культуры*. М.: Университетская книга, 1997. С. 271–284.

³⁸ Benedict R. M. Race: Science and politics. University of Georgia Press, 2019. 2401 p.; Mead M. Continuities in cultural evolution. Routledge, 2017. 526 p.

³⁹ Honigmann J.J. Culture and Personality. NY: Harper and Brothers, 1954. 499 p.

Р. Линтон⁴⁰, А. Кардинер⁴¹ создавали инструментарий для позитивного социального управления и целерационального формирования сложной идентичности в британо-американской парадигме. Концептуальная методология, предложенная в области культурной антропологии, была продолжена в кросс-культурной психологии в контексте изучения этнокультурных групп. Дж. Берри⁴², К. Камиллери⁴³, Д.М. Тейлор и Ф.М. Могаддам⁴⁴ предложили модели межкультурных взаимодействий. Другие ученые сконцентрировались на изучении сложных форм этнической идентичности в бикультурной и мультикультурной средах (В. Бенет-Мартинес⁴⁵, Ш. Лю⁴⁶, Дж. Эрба⁴⁷, Т.Г. Стефаненко⁴⁸, Д.А. Соколова⁴⁹).

Позитивистская методология культурных антропологов повлияла на изучение сложной идентичности в рамках бихевиористического подхода. К концу XX в. систематические исследования бихевиористов и изучение мотивационного поведения социологами разных школ привели к необходимости разработать понятие «культурные практики». П.А. Ламаль⁵⁰, Ж.Дж. Гуднау⁵¹, П.Дж. Миллер⁵², Дж.Б. Сакс⁵³, М.А. Маттайни⁵⁴, Э. Биглан⁵⁵, У.Х. Сьюэлл⁵⁶, М. Бланц⁵⁷ и ряд

---

⁴⁰ Linton R. *The study of man: an introduction*. N.Y.: Appleton-Century, 1936. 523 p.

⁴¹ Kardiner A. *The individual and his society*. N.Y.: Columbia University Press, 1939. 503 p.

⁴² Berry J. W. et al. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge University Press, 2002. 588 p.

⁴³ Camilleri C., Malewska-Peyre H. *Socialization and identity strategies* // *Handbook of cross-cultural psychology*. 1997. Т. 2. P. 44–67.

⁴⁴ Taylor D.M., Moghaddam F.M. *Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives*. Greenwood Publishing Group, 1994. 245 p.

⁴⁵ BenetMartínez V., Haritatos J. *Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents* // *Journal of personality*. 2005. Т. 73. № 4. P. 1015–1050; Benet-Martínez V., Lee F., Leu J. *Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations* // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2006. Т. 37. № 4. P. 386–407; Benet-Martínez V., Lee F., Leu J. *Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations* // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2006. Т. 37. № 4. P. 386–407; Chen S. X., Benet Martínez V., Harris Bond M. *Bicultural Identity, bilingualism, and psychological adjustment in multicultural societies: immigration based and globalization based acculturation* // *Journal of personality*. 2008. Т. 76. № 4. P. 803–838; Huynh Q. L., Nguyen A. M. T. D., Benet-Martínez V. *Bicultural identity integration* // *Handbook of identity theory and research*. Springer, N.Y., 2011. P. 827–842; Benet-Martínez V., Nguyen A. M. *Biculturalism and adjustment: A meta-analysis* // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Т. 44. № 1. P. 122–159; Benet Martínez, V. *Multiculturalism and creativity: Effects of cultural context, bicultural identity, and ideational fluency* // *Social Psychological and Personality Science*. 2013. Т. 4. № 3. P. 369–375; Miramontez D.R., Benet Martínez V., Nguyen A. M. D. *Bicultural identity and self-group personality perceptions* // *Self and Identity*. 2008. Т. 7. № 4. P. 430–445; Benet-Martínez V., Huynh Q. L., Nguyen A. M. T. D. *Bicultural identity integration* // *Handbook of identity theory and research*. Springer, NY, 2011. P. 827–842.

⁴⁶ Liu S. *Identity, bicultural and multicultural* // *The International Encyclopedia of Intercultural Communication* / Y. Y. Kim (ed.). Hoboken, NJ, US: John Wiley and Sons, 2017. P. 1–9.

⁴⁷ Erba J., Zhang D., Liu Y. *Exploring the role of ethnic and bi-ethnic identities in advertise ments targeting Chinese and Chinese-American consumers using celebrity athletes* // *China Media Research*. 2019. Т. 15. № 1. P. 67–76.

⁴⁸ Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология: учебное пособие*. М.: Аспект Пресс, 2013. 224 с.

⁴⁹ Соколова Д.А. *Бикультурная идентичность как потенциал диаспорности этнических корейцев, проживающих в Приморском крае* // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология*. 2016. Т. 2. № 2. С. 53–57.

⁵⁰ Lamal P.A. *Behavioral analysis of societies and cultural practices*. N.Y.: Hemisphere, 1991. 257 p.

⁵¹ Goodnow J.J., Miller P.J., Kessel F.E. *Cultural practices as contexts for development*. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. 126 p.

⁵² Miller P.J., Goodnow J.J. *Cultural practices: Toward an integration of culture and development* // *New Directions for Child and Adolescent Development*. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. Т. 67. P. 5–16.

⁵³ Saxe G.B. *Cognition, development, and cultural practices* // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 1999. Т. 1999. № 83. P. 19–35.

⁵⁴ Mattaini M.A. *Envisioning cultural practices* // *The Behavior Analyst*. 1996. Т. 19. № 2. P. 257–272.

других ведут лонгитюдные исследования по мониторингу общества на предмет отбора культурных практик и исследуют их интегративную роль в культурном пространстве. В 2000-е гг. понятие культурных практик уже получает самостоятельное значение и прочно укореняется в теории культуры. В настоящее время разрабатывается проблема прикладного анализа культурных практик, актуализируется их содержание в междисциплинарном исследовательском поле (Э. Свидлер⁵⁸, М. Фрезе⁵⁹ и Э. Хатчинз⁶⁰ и ряд других). В российской науке авторские определения принадлежат В.В. Волкову и О.В. Хархордину⁶¹, В.П. Большакову⁶². Ряд ученых определяют термин культурных практик в связи с понятием «габитус» П. Бурдьё (М.Б. Гронас⁶³, Н.А. Шматко⁶⁴, Л.Г. Скокова⁶⁵, Г.А. Аванесова⁶⁶).

В социологическом подходе к изучению феномена идентичности в XX в. и начале XXI в. разрабатывается онтологический аспект проблемы идентичности, здесь сложились влиятельные стратегии теоретического исследования в рамках функционализма, структурализма и символического интеракционизма. В трудах представителей символического интеракционизма Дж. Мида⁶⁷, Ч.Х. Кули⁶⁸, И. Гоффмана⁶⁹ и Г. Фогельсона⁷⁰, Ю. Хабермаса⁷¹, Н. Дензина⁷² сфокусирована

---

⁵⁵ Biglan A. Changing cultural practices: A contextualist framework for intervention research. Context Press, 1995. 464 p.; Biglan A., Barnes-Holmes Y. Acting in light of the future: How do future-oriented cultural practices evolve and how can we accelerate their evolution? // Journal of contextual behavioral science. 2015. Т. 4. №. 3. P. 184–195.

⁵⁶ Sewell Jr W. H. The concept (s) of culture // Practicing history / G. V. Spiegel (ed.). L.: Routledge, 2005. P. 76–95; Sewell Jr W. H. The Concept (s) of Culture // The Cultural Geography Reader / T. S. Oakes, P.L. Price (eds.). London: Routledge, 2008. P. 40–50.

⁵⁷ Blanz M. Strategic responses to negative social identity: An empirical systematization of field data // European Journal of Social Psychology. 1998. Т. 28. P. 697–729.

⁵⁸ Swidler A. What anchors cultural practices // The Practice Turn in Contemporary Theory / K.K. Cetina, T.R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). L., N.Y.: Routledge, 2005. P. 83–101.

⁵⁹ Frese M. Cultural practices, norms, and values // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2015. Т. 46. №. 10. P. 1327–1330.

⁶⁰ Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // Philosophical psychology. 2014. Т. 27. №. 1. P. 34–49.

⁶¹ Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

⁶² Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник СПбГУ, 2016. Т. 2 № 27. С. 16–22.

⁶³ Гронас М. «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. Т. 45. С. 6–21.

⁶⁴ Шматко Н. А. Послесловие. На пути к практической теории практики // Практический смысл. Бурдьё П. СПб.: Алетейя. 2001. С. 549–562.

⁶⁵ Скокова Л.Г. Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации // Социологический альманах. 2014. №. 5. С. 232–243.

⁶⁶ Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. Т. 4. № 47. С. 28–37.

⁶⁷ Mead J.G. Reason, I and the Society (Mind, Self, and Society). Chicago: University of Chicago Press, 1934. 536 p.; Mead J. G. Selected Writings / A. J. Reck (ed.) University of Chicago Press; Phoenix ed edition. 488 p.;

Mead G.H. The Philosophy of the Act / C.W. Morris, J.M. Brewster, A.M. Dunham, D. Miller (eds.). Chicago: University of Chicago, 1938. 696 p.;

⁶⁸ Cooley S.H. Looking-glass self // The production of reality: Essays and readings on social interaction / J. O'Brien (ed.). Sage: Pine forge, 1902. P. 126–128.

⁶⁹ Goffman E. The presentation of self in everyday life // Contemporary Sociological Theory / C. Calhoun, J. Gerteis, J. Moody (eds.) Oxford: Blackwell, 2002. P. 46-61; Goffman E. Behavior in public places. N.Y.: The free press, 1963. 248 p.; Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. N.Y.: Simon and Schuster, 1963. 168 p.

⁷⁰ Fogelson R.D. Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects // Psychosocial theories of the self / B. Lee (ed.). Springer, Boston, MA, 1982. P. 67–109.

специфика формирования идентичности в процессе социального взаимодействия. Социологическое понимание идентичности личности было продолжено идеологами конструктивистской парадигмы П.Л. Бергером и Т. Лукманом⁷³, показавшими особенности социального формирования идентичности и ее типологию в зависимости от различия социальных структур. Структурно-функциональный подход Э. Дюркгейма⁷⁴, Т. Парсонса⁷⁵, Р.К. Мертона⁷⁶ и ряда других исследователей способствовал изучению процесса социальной адаптации индивида в группе, влияние социальной группы на социальные действия, установки индивида. Интегративный подход к исследованию феномена идентичности в области социологии П. Бурдьё⁷⁷, Э. Гидденса⁷⁸, С. Хатингтона⁷⁹ позволил социологам перейти к прикладному комплексному исследованию видов социальной идентификации, а также степени их сформированности.

Особого внимания заслуживает концептуальный подход к изучению феномена сложной идентичности, который сложился с помощью синтеза теории социальной идентичности Г. Тешфела⁸⁰ и теории самокатегоризации Дж.Ч. Тернера⁸¹. Уточняя результаты полевых экспериментов по изучению мотивационного поведения в межгрупповых отношениях М. Шерифа⁸², Д. Кэмпбелл⁸³, Г. Тешфел⁸⁴ и Дж. Ч. Тернер⁸⁵ разработали к 1970-х гг. теорию социальной идентичности в когнитивном контексте. В рамках когнитивного

---

⁷¹ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) Введение // *Личность. Культура. Общество*. 2002. Т. 4. №. 3–4 (13–14). С. 303–320; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 382 с.

⁷² Denzin N.K. *The research act: A theoretical introduction to sociological methods*. N.Y.: Routledge, 2017. 382 p.

⁷³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.; Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Penguin Books, 1966. 249 p.

⁷⁴ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послеслов. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

⁷⁵ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс]: пер. Н.Л. Поляковой. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf; Парсонс Т. Социальные системы // *Вопросы социальной теории*. 2008. Т. 2. №. 1 (2). С. 38–71.

⁷⁶ Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. М.: АСТ, 2006. 873 с.; Мертон Р.К. Наука и социальный порядок // *Вопросы социальной теории*. 2007. Т. 1. С. 191–207.

⁷⁷ Бурдьё П. Социология социального пространства / под ред. Н. А. Шматко. М.: Алетейя, 2007. 288 с.

⁷⁸ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / под науч. ред. С. Гавриленко. М.: ВШЭ, 2018. 336 с.

⁷⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: АСТ; Астрель, 2003. 603 с.

⁸⁰ *Social identity and intergroup relations* / Tajfel H. (ed). Cambridge university press, 1982. 523 p.

⁸¹ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E. J. Lawler (ed.). 1985. Т. 2. P. 77–122.

⁸² Sherif M. *Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment*. Norman, OK: University Book Exchange, 1961. P. 150–198; Sherif M. *Group conflict and co-operation: Their social psychology*. Psychology Press, 2015 (1st ed. 1966). 212 p.; Sherif M. *Social interaction: Process and products*. Routledge, 2017 (1st ed. 1967). 528 p.

⁸³ Campbell D.T. Ethnocentric and other altruistic motives // *Nebraska symposium on motivation*. 1965. Т. 13. P. 283–311; Campbell D. T. Stereotypes and the perception of group differences // *American psychologist*. 1967. Т. 22. №. 10. P. 817–829; Campbell D.T. *Social attitudes and other acquired behavioral dispositions* // *Psychology: A study of a science. Study II. Empirical substructure and relations with other sciences. Vol. 6. Investigations of man as socius: Their place in psychology and the social sciences*, 1963. P. 94–172.

⁸⁴ Tajfel H. *Social Identity and intergroup behavior* // *Social Science Information*. 1974. Т. 13. № 2. P. 65–93; Turner J.C., Tajfel H. *The social identity theory of intergroup behavior* // *Psychology of Intergroup Relations* / S. Worchel (ed.). Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1986. P. 276–293.

⁸⁵ Turner J. C. *Self-categorization theory and social influence* // *The psychology of group influence*. 1989. P. 233–275.

подхода зародилась влиятельная стратегия исследования феномена сложной социальной идентичности и сформировался круг междисциплинарной концептуализации в трудах Г. Брейквелла⁸⁶, Э. Фромма⁸⁷, М.Дж. Хорнси⁸⁸, С.А. Хаслама⁸⁹, Р.С. Оронато⁹⁰, К.Дж. Рейнольдса⁹¹, М. Латрофа⁹², К. МакГарти⁹³, Р. Брауна⁹⁴, М. Баррето⁹⁵, С. Роккас, М. Брюер⁹⁶, А. Фергюсона⁹⁷, Р.Дж. Криспа⁹⁸, С.Э. Кросса⁹⁹, Дж. Э. Котэ¹⁰⁰.

На рубеже XX–XXI вв. С. Роккас и М. Брюер¹⁰¹ разрабатывают новый концептуальный подход к исследованию сложной идентичности, открывший возможности анализировать практики формирования субъективных представлений индивида о взаимосвязях его множественных идентичностей. Результаты анализа сложных форм идентичности представлены в работах К. Шмида¹⁰², Дж. Джеттена¹⁰³, К.Р. Биннинга¹⁰⁴, А.Л. Сёндерлунда¹⁰⁵, ключевые

---

⁸⁶ Breakwell G.M. Coping with threatened identities. Psychology Press, 2015 (1st ed. 1986). 234 p.; Breakwell G. M. et al. The distinctiveness principle: Identity, meaning, and the bounds of cultural relativity // Personality and Social Psychology Review. 2000. Т. 4. №. 4. P. 337–354; Breakwell G. Social representations and social identity // Papers on social representations. 1993. Т. 2. P. 198–217; Breakwell G. M. Social representational constraints upon identity processes // Representations of the social: Bridging theoretical traditions. Blackwell Publishing. 2001. P. 271–284.

⁸⁷ Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. 240 с.

⁸⁸ Hornsey M.J. Social identity theory and self-categorization theory: A historical review // Social and Personality Psychology Compass. 2008. Т. 2. № 1. P. 204–222.

⁸⁹ Haslam S.A., Oakes P.J., Turner J.C., McGarty C. Social categorization and group homogeneity: Changes in the perceived applicability of stereotype content as a function of comparative context and trait favourableness // British Journal of Social Psychology. 1995. Т. 34. №. 2. P. 139–160; Haslam S.A., Oakes P.J., Turner J.C. Social identity, self-categorization, and the perceived homogeneity of ingroups and outgroups: The interaction between social motivation and cognition // Handbook of Motivation and Cognition: The Interpersonal Context, Handbook of Motivation and Cognition / R. Sorrentino, Ed. Higgins (eds.). The Guilford Press, 1996. Т. 3. P. 182–222; Haslam S.A. Stereotyping and social influence: Foundations of stereotype consensus // The Social Psychology of Stereotyping and Group Life / R. Spears, P.J. Oakes, N. Ellemers [et al.] (eds.). Oxford: Blackwell, 1997. P. 119–143; Haslam S.A. Psychology in Organizations. London: Sage Publications, 2004 (1st ed. 2001). 336 p.; Haslam S.A., Reicher S D., Platow M.J. The new psychology of leadership: Identity, influence and power. N.Y.: Psychology Press, 2011. 296 p.

⁹⁰ Onorato R.S., Turner J.C. Fluidity in the self concept: the shift from personal to social identity // European journal of social psychology. 2004. Т. 34. №. 3. P. 257–278.

⁹¹ Reynolds K.J., Turner J.C. Individuality and the prejudiced personality // European review of social psychology. 2006. Т. 17. №. 1. P. 233–270.

⁹² Latrofa M. et al. The cognitive representation of self-stereotyping // Personality and Social Psychology Bulletin. 2010. Т. 36. №. 7. P. 911–922.

⁹³ McGarty C. Categorization in social psychology. Sage publications, 1999. 320 p.; McGarty C., Turner J.C. The effects of categorization on social judgement // British Journal of Social Psychology. 1992. Т. 31. №. 4. P. 253–268.

⁹⁴ Brown R. Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges // European Journal of Social Psychology. 2000. Т. 30. №. 6. P. 745–778.

⁹⁵ Barreto M., Ellemers N. The effects of being categorised: The interplay between internal and external social identities // European review of social psychology. 2003. Т. 14. №. 1. P. 139–170.

⁹⁶ Brewer M. B., Gardner W. Who is this " We"? Levels of collective identity and self representations // Journal of personality and social psychology. 1996. Т. 71. №. 1. P. 83–93; Brewer M.B., Pierce K.P. Social identity complexity and outgroup tolerance // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. Т. 31. №. 3. P. 428–437.

⁹⁷ Ferguson A. Intersections of identity: Navigating the complexities [Электронный ресурс] // Forum on public policy: A journal of the Oxford Round Table, 2006. URL: <http://www.forumonpublicpolicy.com/archive07/ferguson.pdf>

⁹⁸ Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. Does multiple categorization reduce intergroup bias? // Personality and Social Psychology Bulletin. 2001. Т. 27. №. 1. P. 76–89.

⁹⁹ Cross S.E., Gore J.S., Morris M. L. The relational-interdependent self-construal, self-concept consistency, and well-being // Journal of personality and social psychology. 2003. Т. 85. №. 5. P. 933–944.

¹⁰⁰ Côté J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity? – An appraisal of the field // Identity. 2006. Т. 6. №. 1. P. 3–25.

¹⁰¹ Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Т. 6. №. 2. P. 88–106.

¹⁰² Schmid K., Hewstone M., Tausch N., Cairns E., Hughes J. Antecedents and consequences of social identity complexity:

положения теории сложной идентичности изложены российскими социальными психологами О.Е. Хухлаевым и М.А. Хайт¹⁰⁶. На региональном уровне культурные процессы формирования сложных идентичностей исследуются А.А. Шпак¹⁰⁷.

Дискуссия о природе сложности социальной идентичности в современных российских исследованиях развернулась на рубеже XX–XXI вв., когда стали подниматься вопросы о специфике формирования новых социальных идентичностей в контексте социально–экономических изменений¹⁰⁸. Установка на междисциплинарное исследование идентичности на стыке психологии и социологии обоснована В.А. Ядовым¹⁰⁹. Культурологи, этнологи, антропологи сосредоточены на изучении феномена этнической идентичности с точки зрения различных научных подходов: конструктивистское понимание характерно для Б.Е. Винера¹¹⁰, В.А. Тишкова¹¹¹, Л.М. Дробижевой¹¹², В.Ю. Хотинец¹¹³, С.В. Лурье¹¹⁴; примордиалистский подход в той или иной степени применяется С.М.

Intergroup contact, distinctiveness threat, and outgroup attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2009. Т. 35. № 8. P. 1085–1098.

¹⁰³ Jetten J. et al. Having a lot of a good thing: Multiple important group memberships as a source of self-esteem [Электронный ресурс]: *PloS one*, 2015. Т. 10. № 5. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0124609>

¹⁰⁴ Binning K.R. et al. The interpretation of multiracial status and its relation to social engagement and psychological well-being // *Journal of Social Issues*. 2009. Т. 65. № 1. P. 35–49.

¹⁰⁵ Sønderlund A.L., Morton T.A., Ryan M.K. Multiple Group Membership and Well-Being: Is There Always Strength in Numbers? [Электронный ресурс]: *Frontiers in Psychology*. 2017. Т. 8. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01038/full>

¹⁰⁶ Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности // *Социальная психология и общество*. 2012. № 3. С. 16–26.

¹⁰⁷ Шпак А.А. Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей (на материале исследования регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. культ. наук: 24.00.01. Красноярск, 2020. 165 с.; Шпак А. А. Научные подходы к изучению сложной социальной идентичности // *Сибирский антропологический журнал*. 2020. Т. 4. № 2. С. 191–203; Шпак А.А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // *Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. тр.* Красноярск: СФУ, 2020. С. 68–73; Shpak A.A., Pchelkina D.S. Methodology for the Study of Complex Identity // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020. Т. 13. № 5. P. 752–761.

¹⁰⁸ Тронева М.А. Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса постмодернистского общества и культуры // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 3. С. 34–37.

¹⁰⁹ Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*. 1995. Т.3. № 4. С. 158–181.

¹¹⁰ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 4. С. 3–26; Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. 8. № 2. С. 142–164; Винер Б.Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга): дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 1998.—197 с.

¹¹¹ Тишков В.А. Очерки теории этноса и политики этничности. М.: Русский мир, 1997. 532 с.; Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

¹¹² Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.; Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР) // *Советская этнография*. 1981. № 3. С. 11–22.

¹¹³ Хотинец В. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун–та, 2002. 124 с.; Хотинец В. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 235 с.

¹¹⁴ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический Проект, 2003. 624 с.

Широкогоровым¹¹⁵, Ю.В. Бромлеем¹¹⁶, А.Г. Дугиным¹¹⁷, А.П. Садохиным и Т.Г. Грушевицкой¹¹⁸, Ю.В. Попковым¹¹⁹ и рядом других, когнитивный аспект разработан А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой¹²⁰; инструменталистский – В.Д. Попковым¹²¹. Кросс-культурные методики по диагностике феномена этнической идентичности представлены в исследованиях Г.У. Солдатовой¹²², Т.Г. Стефаненко¹²³, А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой¹²⁴, В.Н. Павленко и С.А. Таглина¹²⁵ и других¹²⁶.

Исследования по теории социальной идентичности ведут О.А. Орлова¹²⁷, О.В. Шиняева¹²⁸. Понятие «социальная идентичность» разработано в трудах Н.И. Даудрих¹²⁹, Е.А. Петраш¹³⁰. Социологический анализ понятия «идентичность» представлен в работах О.А. Симоновой¹³¹, О.В. Шиняевой¹³², Н.И. Даудрих¹³³, К.В. Патырбаевой и В.В. Козловой¹³⁴; культурологический – Э.А. Орловой¹³⁵, Э.Д. Дряевой¹³⁶, С. Холлом¹³⁷, Н.Н. Середкиной¹³⁸. Разработкой понятия «локальные

---

¹¹⁵ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: Либроком, 2012. 134 с.

¹¹⁶ Бромлей Ю. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

¹¹⁷ Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение. 2009. 744 с.; Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.; Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-Центр, 2002. 418 с.

¹¹⁸ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Академия, 2000. 304 с.

¹¹⁹ Попков Ю. В. Динамика правового статуса и реальное положение народов Севера: сравнительный опыт Канады и России // Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири. Барнаул; Новосибирск; Москва: Изд-во АРНЦ СО РАО, 1999. С. 150–171; Его же. Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение Академии наук, 1990. 200 с.

¹²⁰ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Психология межэтнических отношений: Этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия. М.: Институт психологии РАН, 2010. 190 с.

¹²¹ Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. 340 с.

¹²² Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

¹²³ Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2002. С. 35–48.

¹²⁴ Методы этнической и кросскультурной психологии: учеб.–метод. пос. / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 236 с.

¹²⁵ Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология. М: Товарищество науч. изд. КМК, 2005. 483 с.

¹²⁶ Солдатова Г.У. и др. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России: инф.–аналит. бюлл. М., 2002. № 4. С. 59–65.

¹²⁷ Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический проект, 2017. 480 с.

¹²⁸ Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. тр. / отв. за выпуск О.В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 245 с.

¹²⁹ Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2000. №. 12. С. 77–95.

¹³⁰ Петраш Е.А. Социальная идентичность в норме и при нарушении: автореф. дис... д-ра псих. наук: 19.00.05. Курск, 2017. 57 с.

¹³¹ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.

¹³² Шиняева О.В. Идентичность и идентификационное поведение: теоретические подходы к исследованию //Гражданское общество России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. №. 1. С. 3–8.

¹³³ Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2000. №. 12. С. 77–95.

¹³⁴ Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты // под ред. К.В. Патырбаева. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 249 с.

¹³⁵ Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87–111.

¹³⁶ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С. 41–53; Дряева Э.Д. Основные концепции самоидентификации личности в социокультурном контексте: генезис и развитие // Современные проблемы науки и образования. 2014. №. 3. С. 672–672; Дряева Э.Д., Д.И.

идентичности» занимается Е.В. Дзякович¹³⁹. Концептуальному изучению этнокультурной идентичности посвящены работы И.В. Малыгиной¹⁴⁰, А.А. Балыковой¹⁴¹, В.В. Савченко¹⁴², М.П. Ковалева¹⁴³, В.М. Смокотина¹⁴⁴, М.Ш. Абулаевой¹⁴⁵, А.А. Комаровой¹⁴⁶, Н.И. Курбанова¹⁴⁷, А.Л. Алавердяна¹⁴⁸, Ф.Я. Уразаева¹⁴⁹, Ю.А. Шубина¹⁵⁰, А.В. Кистовой¹⁵¹, О.Р. Тучиной¹⁵², А.В. Пастюк¹⁵³. В последнее десятилетие активно публикуются результаты измерения различных видов социальной идентификации¹⁵⁴. Широкое освещение получили темы

Дубровский. Социокультурная идентичность в условиях современных коммуникаций и базовая идентичность индивида // *Философские науки*. 2017. №. 8. С. 63–75.

¹³⁷ Холл С. Вопрос культурной идентичности [Электронный ресурс] // *Художественный журнал*. 2010. №. 77–78. Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485>

¹³⁸ Середкина Н.Н. Научные подходы к понятию «этническая культурная идентичность» // *Специфика этнических миграционных процессов в XX-XXI вв.: опыт и перспективы*. Красноярск: СФУ, 2019. С. 176–180.

¹³⁹ Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... доктора культурол.: 24.00.01. Москва, 2011. 46 с.; Дзякович Е.В. Локальная идентичность как социокультурный феномен современной российской провинции // *Обсерватория культуры*. 2010. № 5. С. 24–29.

¹⁴⁰ Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика) : дис. доктора ... филос. наук: 24.00.01. Москва, 2005. 305 с.; Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: структура и историческая динамика // *Первый Российский культурологический конгресс: сб. науч. тр. конференции*. СПб.: Эйдос, 2006. С. 269–270; Малыгина И.В. Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире // *Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве: Новый "шелковый путь" к культуре без границ: сб. науч. тр. М.: МГУКИ, 2009. С. 238–246; Малыгина И.В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // *Ярославский педагогический вестник*. 2015. №. 5. С. 219–224; Малыгина И.В. Динамика этнокультурной идентичности: мировые тренды и российская специфика // *Культура культуры*. 2017. № 1 (13). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28147866>.*

¹⁴¹ Балыкова А.А. Этнокультурная идентичность как социально-философская проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2001. 25 с.

¹⁴² Савченко В.В. Этнокультурная идентичность русских в современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2009. 21 с.

¹⁴³ Ковалев М.П. Этнокультурная идентичность диаспоры в глобализирующемся мире: специфика состояния и векторы изменения в процессе репатриации: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Томск, 2011. 159 с.

¹⁴⁴ Смокотин В.М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: дис. ... доктора филос. наук: 24.00.01. Томск, 2012. 365 с.

¹⁴⁵ Абулаева М.Ш. Этнокультурная идентичность народов Дагестана: единство и многообразие: дис. доктора культурол.: 24.00.01. Санкт-Петербург, 2013. 332 с.

¹⁴⁶ Комарова А.А. Социальное регулирование этнокультурной идентичности русской студенческой молодежи // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2011. №. 9. С. 259–265.

¹⁴⁷ Курбанов Н.И. Этнокультурная идентичность в современной социокультурной ситуации: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Москва, 2012. 208 с.

¹⁴⁸ Алавердян А.Л. Этнокультурный менталитет и идентичность в условиях модернизации современной России.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Белгород, 2009. 145 с.

¹⁴⁹ Уразаев Ф.Я. Механизмы сохранения этнокультурной идентичности татарского народа (конец XX-начало XXI вв.): дис. ... канд. историч. наук: 24.00.01. Казань, 2011. 266 с.

¹⁵⁰ Шубин Ю.А. Современные трансформации этнокультурной идентичности: универсальные тенденции и российская специфика: автореф. дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. М., 2011. 28 с.

¹⁵¹ Кистова А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013. 22 с.

¹⁵² Тучина О.Р. Этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход // *Социосфера*. 2014. №. 1. С. 146–149.

¹⁵³ Пастюк А.В. Соотношение понятий цивилизационной и этнокультурной идентичности // *Молодой ученый*. 2020. №. 12. С. 229–231.

¹⁵⁴ Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Иваново, 2011. 25 с.; Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02. Пермь, 2009. 26 с.; Кравченко Н. Ю. Методологические аспекты исследования гражданской идентичности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. 2012. Т. 12. №. 4. С. 3–7.; Максимов М.Б. и др. Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение // *Вестник*

глобальных аспектов идентификационного поведения и проблемы формирования сложной идентичности¹⁵⁵, активно разрабатываются социально-психологические детерминанты глобальной идентичности¹⁵⁶. Но разнообразие исследований не привело к созданию единого комплексного методологического подхода для исследования идентичности¹⁵⁷.

Концептуальные и методологические основания для анализа сложных идентификационных процессов еще находятся в процессе становления и признаются перспективными для анализа современных социокультурных процессов. Данная проблематика характерна для Ю.М. Резника¹⁵⁸, В.М. Розина¹⁵⁹, В.А. Куренного¹⁶⁰, Н.П. Копцевой¹⁶¹, М.А. Мониной¹⁶², А.А. Никишенкова¹⁶³, А.А. Белика¹⁶⁴, Дж. Э. Котэ, С.Г. Левина¹⁶⁵.

Несмотря на наличие обширных научно-исследовательских материалов по различным аспектам феномена сложной идентичности, следует зафиксировать дефицит работ междисциплинарного характера, которые содержат эффективный синтез современных научных направлений. Такой синтез имеет значение для научного моделирования сложных форм идентичности. Применение культурологических методов научного анализа предоставляет возможность выявить многоаспектную специфику сложных форм идентичности и механизмы их формирования, что важно для экспертно-аналитического сопровождения реализации стратегических задач российской государственной культурной и национальной политики. В данном исследовательском контексте актуален учет концептуальных положений, представленных в работах В.А. Тишкова¹⁶⁶, Л.М.

Алтайского государственного аграрного университета. 2015. Т. 11. № 133. С. 167–171.; Попова О.В. Политическая самоидентификация жителей Санкт-Петербурга по данным эмпирического исследования 2015 года // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2016. № 2. С. 31–41.

¹⁵⁵ Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. тр. / отв. за выпуск О.В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 245 с.; Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 304 с.; Идентичность как предмет политического анализа: сборник ст. / отв. ред. И. С. Семенов, Л. А.Фадеева. М.: НИИ, 2011. 299 с.

¹⁵⁶ Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. №. 4. С. 145–185.

¹⁵⁷ Похилько А.Д., Сергеев С.М. Методология изучения социальной идентичности в социологии и социальной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. Т 6. № 103. С. 47–51.

¹⁵⁸ Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 305– 328

¹⁵⁹ Розин В.М. Культурологические исследования // Проблемы культурологии. Античная культура. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/1503>

¹⁶⁰ Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал Логос. 2012. №. 1. С. 14–79.

¹⁶¹ Копцева Н.П. Культурно-антропологический проект социальной инженерии (проблема методологии современных прикладных культурных исследований) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2009. Т.1. № 3. С. 22–34.

¹⁶² Монин М.А. Культурология и/или Culture studies // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. №. 1. С. 78–84.

¹⁶³ Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПУ, 2008. 494 с.

¹⁶⁴ Белик А.А. Культурология: Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1999. 241 с.

¹⁶⁵ Côté J. E., Levine C. G. Identity, formation, agency, and culture: A social psychological synthesis. Psychology Press, 2014. 268 p.

¹⁶⁶ Тишков В.А. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.:

Дробижевой¹⁶⁷, О.Н. Астафьевой¹⁶⁸, И.В. Малыгиной¹⁶⁹, Л.Е. Вострякова и А.С. Тургаева¹⁷⁰ и других.

Предварительный анализ существующих подходов и концепций в зарубежных и российских исследованиях XX – нач. XXI вв. позволяет сосредоточиться на методологических подходах и возможностях культурологических исследований по проблематике сложных идентичностей. На основании позитивистского (О. Конта¹⁷¹) и герменевтического (В. Дильтея¹⁷²) подходов можно предложить комплексный подход из синтеза взаимодополняющих социогуманитарных методов. Актуальность данного подхода для прикладных культурных исследований раскрыта в работах К.В. Резниковой¹⁷³, М.А. Колесник¹⁷⁴, Н.Н. Середкиной¹⁷⁵, Н.Н. Пименовой¹⁷⁶, Е.А.

Наука, 2008. С. 3–5.

¹⁶⁷ Дробижева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 15; Ее же. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. №1 .С. 26–36.

¹⁶⁸ Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории». 2010. С. 255–281; Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: монография /О.Н. Астафьева, А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева [и др.]. 2-е изд. / Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности. М.: Совпадение, НИК. 2015. С.95–115; Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5. С. 32–41.

¹⁶⁹ Малыгина И. В. Динамика российской идентичности: тренды XXI века // Проблемы культуры в XXI веке. 2018. С. 34–47.

¹⁷⁰ Востряков Л.Е., Тургаев А.С. Новая модель государственной культурной политики России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 3. № 36. С. 6–16.

¹⁷¹ Конт О. Курс положительной философии // Западноевропейская социология XIX века: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 94–119; Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Либроком, 2011. 296 с.

¹⁷² Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. Е.Д. Зайцевой, под ред. Г.Г. Шпета. М.: Рипол классик, 2019. 290 с.; Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / под ред. А. В. Михайлова, Н.С. Плотнокова. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.; Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Введение в науки о духе / пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.

¹⁷³ Резникова К.В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2012. 20 с.

¹⁷⁴ Колесник М.А. Конструирование русской культурной идентичности: концептуальный и методологический подходы: дис... канд. культ. наук: 24.00.01. Красноярск, 2015. 168 с.

¹⁷⁵ Середкина Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013. 25 с.

¹⁷⁶ Пименова Н.Н. Механизмы социокультурных изменений коренных этносов севера и Сибири (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2015. 183 с.

Сертаковой¹⁷⁷, А.М. Обмороковой¹⁷⁸, Н.О. Немаевой¹⁷⁹, В.С. Лузана¹⁸⁰, М.И. Буковой¹⁸¹.

Концептуальным фундаментом для поиска методологических возможностей исследования этнокультурной идентичности служат синтетическая концепция культуры как идеалообразования Д.В. Пивоварова¹⁸² и интерпретативная теория культуры К. Гирца¹⁸³.

Необходимо также принять во внимание исследования по проблематике регионального социокультурного пространства, где реализуются культурные механизмы формирования сложных форм идентичности. Так, этнокультурная специфика Красноярского края раскрывается в научных трудах культурологов Сибирского федерального университета, ведущих многолетние полевые и концептуальные исследования феномена идентичности¹⁸⁴. Можно выделить труды специалистов по региональным культурным процессам Красноярского края¹⁸⁵, включая исследования по проблематике культурной идентификации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока¹⁸⁶.

---

¹⁷⁷ Сертакова Е.А. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярск): автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2015. 22 с.

¹⁷⁸ Обморокова А.М. Формирование региональной идентичности и способ воплощения концепта «Родина» в красноярском культурном пространстве // Социодинамика. 2015. № 2. С. 37–53.

¹⁷⁹ Немаева Н.О. Специфика идеалообразования в современной православной художественной культуре (на материале Красноярского края): дис. ... канд. культ.: 24.00.01. Красноярск, 2018. 185 с.

¹⁸⁰ Лузан В.С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 год: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.01. Красноярск, 2017. 386 с.; Его же. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. ... канд. философ. наук: 09.00.01. Красноярск, 2011. 25 с.

¹⁸¹ Ильбейкина М.И. Роль визуальной антропологии в социальном конструировании ценностей: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013. 21 с.

¹⁸² Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. М: Юрайт, 2020. 248 с.; Его же. Социоцентрические религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 140 с.; Пивоваров Д.В., Медведев А.В. Философия религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 338 с.

¹⁸³ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. 1997. Т. 1. С. 170–199.

¹⁸⁴ Копцева Н.П. и др. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций. Красноярск: СФУ, 2012. 639 с.; Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения / под ред. О.А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2013. 490 с.; Новая арт-критика на берегах Енисея / под ред. Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2015. 338 с.; Копцева Н.П. и др. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты. 2020. 196 с.

¹⁸⁵ Этноатлас Красноярского края / ред. Р.Г. Рафиков. Красноярск: Платина, 2008. 223 с.; Этноатлас Красноярского края / ред. Р.Г. Рафиков. Красноярск: Поликор, 2018. 240 с.; Рафиков Р.Г. Вопросы межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае за 2004–2008 годы: Информационный бюллетень №5. Красноярск: Платина, 2009. 192 с.; Карлова О.А. Межэтническое пространство Сибири: историческая специфика и современные проблемы: (опыт Красноярского края) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. тр. Красноярск: СФУ, 2018. С. 8–16.; Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. 264 с.; Москалюк М.В. Изобразительное искусство Сибири // Сибирь – Дальний Восток. Красноярск. 2015. С. 8–12.; Музыкальная культура Красноярск, [1628–1920] / отв. ред. Л.В. Гаврилова. Красноярск, 2009. 455 с.

¹⁸⁶ Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у малочисленных коренных народов Средней Сибири: дис. .... д. ист. н.: 07.00.07. Новосибирск, 2000. 445 с.; Макаров Н.П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. 2013. Т.6. № 6. С. 816–841; Кирко В.И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации // Социодинамика. 2015. № 6. С. 113–133; Пчелкина Д.С. Трансформация этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края в конце XX–начале XXI вв: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 176 с.; Дегтяренко К.А.

Значительный объем научных исследований еще раз подтверждает актуальность научного моделирования процессов сложной социокультурной идентификации. Однако до настоящего времени количественные и качественные культурологические исследования сложной идентификации явно недостаточны, поскольку речь идет об одном из самых интенсивных и нарастающих культурных процессов современной России. Данное обстоятельство определяет выбор объекта и предмета диссертационного исследования.

Предметом диссертационного исследования являются сложные формы идентичности как современный феномен культуры.

Объект исследования – процессы формирования сложных форм идентичности посредством региональных культурных практик в социокультурном пространстве Красноярского края.

Цель исследования заключается в научном культурологическом моделировании и комплексном анализе сложных форм этнокультурной идентичности, формирующихся в российском региональном культурном пространстве Красноярского края в XX–XXI вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, в том числе:

- 1) выявить способы формирования понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках;
- 2) раскрыть методологические возможности культурологических исследований для анализа сложных идентичностей;
- 3) рассмотреть сложные формы этнической идентичности как предметность современной теории культуры;
- 4) сформировать культурологическую модель измерения сложной социальной идентичности;
- 5) выполнить методологическое обоснование исследований сложной идентичности в социогуманитарном знании XIX–XXI вв.;
- 6) проанализировать результаты междисциплинарных исследований сложной идентичности;
- 7) выполнить концептуальное обоснование исследования сложной идентичности с позиций современной теории культуры;
- 8) раскрыть понятие «культурные практики» в контексте современных культурных исследований;
- 9) определить основные виды культурных практик в социально-культурном пространстве Красноярского края;

Современные гуманитарные технологии конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Красноярского края: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск: СФУ, 2016. 190 с.; Авдеева Ю.Н. Значение культурной памяти мигрантов для этнической самоидентификации (на материале Красноярского края): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2018. 168 с.; Березюк С.В. Музыкальная фольклорная культура коренных малочисленных народов Сибири и современная информационная среда: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 187 с.; Хребтов М.Я. Трансформация ценностей в постсоветский период (на материале исследований населения регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 196 с.; Филько А.И. Социокультурные трансформации бесписьменных культур в конце XX–начале XXI вв. (на материале анализа энецкой этнокультурной группы): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 165 с.

10) проанализировать особенности культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края;

11) обосновать понятие «этнокультурная группа» в контексте культурологии;

12) выявить динамику государственной культурной и национальной политики советского периода;

13) раскрыть особенности культурных практик формирования сложных идентичностей в Красноярском крае в XX–XXI вв.;

14) проанализировать взаимодействие государственной национальной и культурной политики Российской Федерации и процессов формирования сложных форм идентичности;

15) выполнить количественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края;

16) провести качественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края;

17) сделать теоретическую интерпретацию полученных эмпирических результатов и уточнить культурологическую модель сложных этнокультурных идентичностей в социокультурном пространстве Красноярского края.

Гипотезой диссертационного исследования является предположение, что для современного социокультурного пространства характерна сумма специфических факторов, которые предопределяют процессы формирования региональных культурных идентичностей. Этнокультурная история Красноярского края раскрывает длительную динамику формирования сложных форм идентичности, в связи с чем становится возможным провести ряд исследований и обнаружить специфику их формирования в современных культурных процессах. Сложные взаимодействия государственной культурной и национальной политики с объективными процессами формирования этнокультурных идентичностей в результате приводят не столько к стабилизации той или иной этнокультурной идентичности, сколько к формированию феноменов сложных этнокультурных идентичностей. Данный процесс имеет свои закономерности, которые могут быть проанализированы. Тем самым может быть создана основа культурологической модели формирования сложных этнокультурных идентичностей в поликультурных регионах Российской Федерации, в том числе, в Красноярском крае.

Положения, выносимые на защиту:

1. Определение термина «сложная идентичность» выстраивается в концептуальной проблематике социальных и гуманитарных наук, совершивших в начале XXI в. переход от анализа внутригрупповых и межгрупповых отношений к комплексным междисциплинарным исследованиям сложных форм идентичности. В общенаучном понимании понятие «сложная идентичность» раскрывается в качестве феномена, имеющего структуру и формы идентификационных пересечений, что дает мощный методологический инструмент для исследования специфики форм и процесса формирования идентичности в индивидуальном и групповом форматах, на межличностном и межгрупповом уровнях, где

вскрывается огромный пласт различных социальных взаимодействий. В начале XXI в. возникает понимание, что идентификационные процессы – это базовые социокультурные процессы, которые должны изучаться в ракурсе современной теории культуры и межкультурных отношений. Культурологическая проблематика позволяет синтезировать существующие представления в единое концептуальное определение понятия «сложная идентичность» и выстроить приоритеты исследования в соответствии с логикой современных социально-культурных взаимодействий.

2. Стремительное и разнообразное формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках привело к тому, что данное понятие стало одним из самых научно обсуждаемых на концептуальном, методологическом и прикладном уровнях. Множественность подходов к трактовке идентичности образует широкое предметное поле данного феномена, далекое от унификации и от возникновения единой теории идентичности. В данном контексте современная методологическая стратегия комплексного исследования сложной идентичности как культурного феномена выстраивается на междисциплинарной методологии, синтезирующей теоретические и эмпирические методы социокультурных исследований. Методологическая стратегия выступает основой эмпирических культурных исследований для выявления ключевых закономерностей и устойчивых коэффициентов, определяющих формирование простых и сложных форм идентичностей; для анализа категориальных представлений и особенностей формирования сложных форм этнокультурной идентичности.

3. В общенаучном понимании наиболее сложная научная модель была разработана для изучения этнической идентичности. Аналитический обзор исследований позволил зафиксировать наиболее распространенную классификацию форм этнической идентичности по их принадлежности либо к двойной, либо к комплексной вариации. Формы этнической идентичности характеризуют ее как сложный феномен социальной идентичности. Феномен сложной этнической идентичности существует в современных бикультурных сообществах, в которых культурные и языковые различия становятся потенциалом развития до уровня мультикультурного общества. Сложные формы этнической идентичности определяют инвариантную идентификацию и формируют установку на солидарное и интеграционное поведение в мультикультурной среде.

4. Модель измерения сложной социальной идентичности в межкультурных отношениях наиболее полно раскрыта в концептуальном подходе С. Роккас и М. Брюер, которые показали разность качества воспринимаемого пересечения идентифицируемых групп: при сильном когнитивном пересечении складывается простая форма социальной идентичности (единое представление ингрупп), при меньшем – сложная форма в бифуркации собственных групповых идентичностей. В зависимости от обстоятельств социальные идентичности изменяются во времени и пространстве: происходит их слияние, пересечение, разделение или объединение, исходя из низкой или высокой степени потребности

к принадлежности конкретному социальному окружению. Влияющими факторами для комбинирования множественных аспектов собственной личности выступают социальные (структурные) и психологические (способность направлять свои действия и внимание в связи с изменением контекста) установки. Когнитивная модель раскрывает последствия структурных отношений между несколькими социальными ролями. Данная модель применима для обнаружения отличимых форм и анализа степени сложности формируемых представлений, что крайне важно для понимания современного состояния сложной этнокультурной идентичности в пространстве межкультурных взаимодействий.

5. Ключевая проблематика культурологического исследования сложной идентичности заключается в дифференцированном предметном подходе, определяющем итог результирующей рефлексии над сущностью отношений индивида и социальных групп. Философско-культурологические науки раскрывают диалектику динамики человеческого «Я» в социальном и культурном пространстве. Психоцентрический анализ направлен на глубинное познание самопредставлений индивида и диагностику их трансформаций (статусный подход). Социоцентрический – либо на обнаружение процессуальных и структурных аспектов формирования социального «Я» (ролевой подход), либо на изучение типов идентичности (конструктивный подход). В области культурной антропологии интерпретативная методология позволяет сфокусировать внимание на форме идентичности, возникающей в процессе межкультурных отношений этнических групп. Для анализа культуры как процесса формирования смыслов, закодированных в практиках, применяется метод факторного анализа.

6. Междисциплинарные исследования сложной идентичности трансформировали проблематику от категориального (статического) к интегральному (динамическому) пониманию ее сущности. Активизация научных исследований сложной идентичности имеет ряд причин: отсутствие описания последствий множественной интеграции для психологического функционирования, неоднородность в понимании процессов формирования сложной идентичности, трудность контекстно-временного изучения форм длительной интеграции, недостаточность изучения «силы» фактической связи и измерения дистанции между формами идентичности, невозможность в рамках существующих научных практик выполнить оценку интеграции более двух форм одновременно. Концептуально при описании интегрального уровня любой структуры можно дать объяснение этой неразрешенности, суть которой в реальной интегрированности всех форм в неразрывное и диалектически-сложное целое так, что формы консолидируются, образуя интегральные иерархичные или многоуровневые инварианты. Целью интеграции служит появление новой идентификационной общности, где каждая форма стремится при сохранении относительной независимости интегрироваться в единое неразрывное целое. Ключевой характеристикой интегральной (сложной) формы выступает качество связи, консолидирующей разные формы множественной идентичности в единый инвариант. При анализе интегральных форм методологическая трудность изучения сложной идентичности разрешается при смещении исследовательского

фокуса с изучения множественных форм социальной идентичности на сложные формы одной идентичности.

7. «Сложная идентичность» с позиции современной теории культуры раскрывается как категория для обозначения этнокультурной формы, возникающей в процессе социально-культурного отождествления индивида с этническими группами. Любая этнокультурная общность обладает уникальным набором социоцентрических идеалов, содержащих в себе особый род ценностей (общий язык, вера, традиции и обычаи), формы деятельности (порождаемые этносом культурные практики, которые влияют на процесс развития и способствуют сохранению этнической и культурной самобытности) и знаки-коды (передаваемые в знаковой форме смыслы этнокультурной общности). Значение социоцентрических этнокультурных идеалов раскрывается на основе концепции культуры как деятельности по идеалообразованию – непрекращающегося процесса сохранения и производства этническими группами своего аутентичного содержания. Методологическое обоснование современных культурных исследований строится на комплексном анализе идеалообразующей деятельности этнокультурных групп с целью систематического изучения и контекстно-дискурсивного описания соответствующих актуальных культурных практик.

8. Понятие «культурные практики» содержательно формируется интегральным путем в междисциплинарном поле современной социогуманитарной науки на основании эпистемологического (в контексте социального бихевиоризма и когнитивной психологии) и онтологического (в контексте культурной антропологии) подходов. Единой теории культурных практик сегодня нет, но на основании синтеза интеллектуальных традиций ряда научных подходов и направлений понятие «культурные практики» моделируется как автономный процесс организации когнитивного индивидуального и социального поведения в пространстве и времени, системное качество осуществления и трансформации культуросозидающей человеческой деятельности. Культурные практики рассматриваются как процессы прошлого и как факторы формирования будущего социокультурного пространства. В начале XXI в. особое культурологическое значение данный термин приобрел в связи с ростом этнокультурного самосознания, когда в системе культуры были обнаружены «подкрепляющие практики» для сохранения и производства самобытной деятельности различных этнокультурных групп.

9. В современной теории и истории культуры виды культурных практик изучаются по типам деятельности: превалирует тема социализации (детей, подростков, мигрантов, инвалидов) и актуальных прикладных культурных практик (педагогических, лингвистических, художественных, этнических). Посредством аудиальных, текстологических и визуальных видов культурных практик реализуется их социоцентрическая функция: сохраняется этнокультурная идентичность и воспроизводится этносознание. Посредством культурных практик формируется деятельностная и когнитивная среда, влияющая на взаимоотношения этнокультурных групп. Анализ доминирующих культурных практик десяти этнических групп Красноярского края позволил выявить процессы

развития и сохранения их этнокультурной самобытности в поликультурном пространстве региона. Наибольшую силу имеют культурные практики по языковой поддержке, посредством нее сохраняются базовые смыслы этноса и когнитивные значения культурной самобытности. Этнокультурные группы в Красноярском крае создают особые средства для поддержания минимального языкового разнообразия, необходимого для позитивной самоидентификации и целостности этнокультурной идентичности в пространстве самобытных культур. Для эффективного этнокультурного развития формируются новые практики: 1) восполнение недостающих или слабо проявленных в этнической системе ценностей элементов; 2) формирование уникального культурного образа; 3) культивирование социоцентрических культурных практик в региональном пространстве для обеспечения устойчивости более высокого качества этих идеалов, основанием которых служит единое межкультурное содружество.

10. Исследование культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока проявило уникальность культурного процесса идеалообразования в условиях глобализации и кризиса традиционных культур этих народов: 1) данные этнические группы ориентированы на особый тип культурных практик и используют разные форматы по фиксации и актуализации своего культурного наследия в современной этносреде: информационные практики формируют «аудиальный конструкт» этнокультурной идентичности, художественные – воплощают ее «визуальный конструкт»; 2) потеря исконного образа жизни, в котором органично развивались традиционные виды деятельности, способствовала выработке новых объединяющих социокультурных идеалов: сохранение языковых диалектов, межпоколенные родовые отношения и ценность семейной культуры, устойчивое развитие позитивной этнокультурной идентичности. Выявленные актуальные ценности позволили зафиксировать нарастание этнокультурной самоидентификации и предложить ряд комплексных мер по формированию позитивных сложных форм этнокультурной идентичности.

11. Понятие «этнос» является концептуальным стержнем анализа этнокультурных групп, каждая из которых объединена верой в единство своего происхождения, традиций и обычаев, языка и уклада жизни. Каждый этнос имеет свойственный ему психоментальный комплекс (термин С.М. Широкогорова), эвристически понимаемый как устойчивая надындивидуальная структура, составляющая парадигму этнического бытия в его психологических и интеллектуальных измерениях. Понятие психоментального комплекса раскрывает подвижную природу этнокультурного самосознания, закрепляемого в установках, идеях, видах поведения, обычаях и практиках. Исследовательский путь культуры этноса базируется на артефактах и культурных текстах, не только способствующих детальному изучению этнографически-культурных элементов, но и указывающих на сумму психологических оснований, созданных этносом для самоидентификации и этнической идентичности. Любая этнокультурная группа создает свою культуру и фундирует ее в комплексе произведений с целью сохранения и воспроизводства этнической самоидентичности и идентичности. На

этом основании определяются особенности понимания процесса сохранения и развития этнокультурной идентичности: 1) ее устойчивость во времени обеспечивается успешными способами приспособления к новым культурным условиям; 2) развитие происходит посредством выстраивания отношений с иными этногруппами, что одновременно обеспечивает уход от кризиса идентичности; 3) потребность в сохранении идентичности приводит к необходимости в культурных практиках, адаптирующих прежнее и развивающих новое ценностное восприятие. Определения «этнос» и «психоментальный комплекс» в совокупности отвечают современному содержанию понятия «этнокультурная группа», недавно вошедшему в научный лексикон для объяснения динамики развития межэтнических отношений.

12. Анализ динамики культурных аспектов национальной политики СССР в период с 1922 по 1991 гг. зафиксировал процесс формирования сложных форм социальной (групповой) и этнокультурной идентичности. В ранний советский период под воздействием новой культурной государственной политики социальные группы принимают вызов масштабного социоантропологического эксперимента, в задачу которого входило формирование новой культурной и социальной действительности. Новая политика воспроизводит сложные формы социальной идентичности. Для усиления идеи равенства на раннем этапе целью становится коренное преобразование человеческой деятельности посредством создания новой этнокультурной основы для интеграционного развития многонациональной общности. «Строительство наций» привело к формированию иного – этнокультурного – основания, где соединились качества собственно этнической и национальной принадлежности (по территории, языку, культуре). Под влиянием культурно-политических практик происходит усложнение форм этнической идентичности в этнокультурные, что позволило им в дальнейшем удержать качество уникальных и самобытных этнокультурных групп.

13. В истории культуры Красноярского края XX – нач. XXI вв. зафиксирован механизм регионального культурного строительства и спектр культурных практик, связанных с устойчивым производством сложных форм этнокультурной идентичности. До 1920-х гг. культурно-образовательные и художественные практики начинают применяться для формирования социальной (групповой) идентичности в полиэтничном обществе с целью культурного развития региона как полноценной части государства. В 1920–1930-е гг. государственные политико-управленческие и экономические механизмы советской национальной политики способствовали формированию сложных форм групповой идентичности на основе всеобщего союзного объединения, построенного на принципе межэтнического равенства. Для освоения ресурсного потенциала Красноярского края и превращения его в индустриальный потребовалось усиление культурных практик и создание новых социокультурных региональных идентификаторов. В 1940–1950-е гг. индустриально-аграрное развитие Красноярского края усилило приток этнических групп, прирост полиэтничного населения вел к расширению спектра культурных практик. В 1949–1955 гг. культурные практики направлены на восполнение, наращивание

социальных ресурсов, необходимых в послевоенное время для восстановления социоцентрической целостности, укрепления мира и дружбы народов, международной социальной солидарности.

В 1960–1970-е гг. культурное производство сложных форм региональной идентичности шло одновременно на всех социокультурных уровнях: всесоюзном, союзном, краевом, городском, поселковом (сельском). В 1980–1990-е гг. развитая экономика края и рост промышленного производства способствовали решению новых социокультурных задач и началу нового культурного строительства. Своеобразным итогом решения поставленных задач стало строительство региональной культурной инфраструктуры. Рубеж 1990-х годов проявил два итога, один из которых связан с разрушением сложной социальной идентичности, другой же был связан с результатом влияния культурных практик на психоментальный комплекс этнических групп и их трансформацию в этнокультурные группы, чья идентификация складывается на двух и более идентификационных основаниях. В 1990–2000-е гг. в связи с серьезными государственными трансформациями культурная жизнь Красноярска связана с новыми демографическими, миграционными и социокультурными процессами. Достигнутый индустриальный уровень, урбанизация, высокий процент межнациональных браков, активная языковая ассимиляция, дисперсное расселение людей разных национальностей, развитие межнациональных отношений в регионе было прочным. Период 2000–2010-х гг. неоднозначен в определении особенностей культурных практик, миграционные волны в это время становятся постоянными, что приводит к социокультурным изменениям, создающим новые культурные ценности. С 2010-х гг. культурные практики регионального уровня разрастаются и приобретают уникальный характер, усиливая Красноярский регион как один из наиболее развитых в контексте позитивной этнокультурной коммуникации.

Этнокультурная история Красноярского края демонстрирует динамику этнокультурных групп по увеличению сложности и скорости природы этнического самоопределения (идентичности). «Ядро» региональной культуры – это сумма процессов по формированию сложных форм идентичности, позволяющих выстраивать самоидентификационные инварианты, отождествляя себя со «своей» этнической группой (или группами), с сибирской надэтнической группой, с российским полиэтническим обществом в целом.

14. В раннесоветский период революционное культурное строительство актуализировало аспект «национального» как статусной социальной принадлежности. Рефлексия над процессом формирования наций в советский период выявила этнокультурное основание этого процесса, в котором соединились качества собственно этнической и национальной принадлежности. В позднесоветский период переход от формирования к сохранению построенного этнокультурного многообразия шел уже в российско-гражданской многонациональной модели.

С XXI в. начался этап культурного строительства, в котором приоритетным остается сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Ключевые

культурные практики связаны с развитием базовой культурной грамотности в образовании и социально-культурной деятельности. На региональном уровне государственная национальная политика воспроизводства и сохранения этнокультурной идентичности реализуется через государственные программы. В Красноярском крае создана уникальная система государственно-социального партнерства, направленная на сохранение, развитие и возвращение этнокультурных особенностей.

15. Культурологический анализ сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края показал идентификационную насыщенность региональной этнокультурной среды. Феномен этнической идентичности имеет не более четырех форм сложности, каждая из которых определяется по мере насыщения идентификационного качества. В каждом отдельном случае она дробится на уникальные (неповторимые) по составу формы. Отмечена обратная зависимость количества носителей простой или сложной формы от состава: чем сложнее идентичность, тем меньше число ее носителей.

Простая этнокультурная идентичность – это социокультурная форма формирования единичного идентификационного основания. На индивидуальном уровне данная форма возникает как результат множественного пересечения и взаимоотождествления этнических самоопределений. Уникальность данной формы проявлена в ее возможности становиться основой для построения более сложных этнокультурных форм идентичности, поскольку в ней присутствует динамика силы связи этнической идентичности.

Сложная этнокультурная идентичность – это социокультурная форма формирования идентификационных определений на двух и более этнических основаниях. На индивидуальном уровне сложность проявлена в идентификационной различимости собственных этнических значений (родовых, социальных), количество этнических идентичностей может достигать до четырех оснований. Сложная форма самодостаточна и едина, поскольку в своих границах кристаллизует и проявляет динамику взаимодополняющих друг друга этнических самоопределений. Чем более форма насыщена этническими основаниями, тем чаще синтезируется неповторимое идентификационное качество. На социальном уровне сложная этнокультурная идентичность встречается редко, в своей сложности она повышает познавательный потенциал видения этнических сходств и различий в условиях динамично развивающегося поликультурного современного общества. В региональном социокультурном пространстве через культурные механизмы формируются сложные формы этнокультурной идентичности, обновляя и преобразуя прежнее этнокультурное качество социума.

Этнокультурная самобытность современных жителей Красноярского края развивается по вектору формирования сложных форм идентичности. Культурные практики направлены не на укрепление этнокультурного ядра, а на формирование новых, сложных форм этнокультурной идентичности. Механизмы культуры производят новые сложные формы этнокультурной идентичности, которые являются результатом воздействия культурных практик, содействующих как

формированию сложных идентификационных форм на индивидуальном уровне, так и общему развитию этнической структуры Красноярского края.

16. Культурологическое исследование выявило содержание этнокультурной идентичности в представлениях современных жителей Красноярского края, а также сопряженные с ним категориальные сферы. Этнокультурная идентичность возникает в процессе усвоения базовой (родовой) идентичности в детстве, а ее дальнейшее определение идет на основании самоидентификации (с этничностью близких и далеких предков, ключевыми фигурами в сознании, как правило, становятся отец и бабушка по матери). Но природа этнокультурной идентичности такова, что при утрате знания (о своих родных, предках) человек начинает заботиться о его восполнении или создании нового этнического основания, чтобы продолжить собственное развитие в условиях окружающего межэтнического пространства. Этот факт проявляется и на уровне этнических групп, которые воспроизводят (или создают новые) культурные практики для идентификации. В зависимости от степени самоидентификации происходит усложнение индивидуальных (обнаружены единичные, двойные и тройные формы) и групповых идентификационных форм. Можно зафиксировать единичные и групповые культурные практики, воздействующие на психоментальные комплексы и заставляющие этнокультурные группы актуализировать свою самобытность, манифестировать свою включенность в развитие межкультурных отношений и, одновременно, быть относительно самостоятельными.

17. При отсутствии воспроизводства и создания новых сложных форм происходит быстрая и зачастую невозполнимая утрата целостного представления этнокультурной истории (семейной, родовой, региональной), запускаются другие культурные механизмы в виде особых практик, направленных на познание разных этнокультурных оснований и осознанного выбора собственной формы идентификации. Проведенные количественные и качественные культурные исследования позволили обосновать корреляционную взаимосвязь между уровнем образования, социального благополучия и сложностью формы идентичности: рост формального и неформального образовательного уровня способствует расширению познавательного горизонта, возможности осознанного выбора собственных идентификационных оснований, формированию насыщенных самопредставлений, большей (открытой) социальной коммуникации.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– проведен анализ понятия «сложная идентичность», позволивший уточнить его значение как культурного феномена, формирующего интегральные представления о персональных и коллективных идентичностях в зависимости от особенностей социокультурного пространства;

– разработана современная стратегия исследования сложной идентичности как культурного феномена, специфика которого требует методологической триангуляции: синтеза теоретических и эмпирических методов социокультурных исследований для комплексного и углубленного понимания сложности этнокультурной идентичности;

– выполнен культурологический анализ этнической идентичности как наиболее сложной и вариативной формы социальной идентичности, складывающейся в процессе межкультурного межэтнического взаимодействия в социокультурных процессах и культурных практиках и преобразуемой индивидом и/или социальной группой в новые формы этнической самоидентификации;

– раскрыта концептуальная (четырёхсложная) модель понимания природы социальной идентичности для анализа проблемы идентификации и ее дифференциальной изменчивости в социокультурном пространстве;

– рассмотрена динамика методологического исследования сложной идентичности, что позволило определить специфику научных направлений и генерализировать их проблематику для современных культурных исследований;

– проанализированы современные междисциплинарные исследования, обозначен переход от социальной категоризации к изучению интегральных форм социокультурных феноменов, для которых необходимы новые методы анализа актуального контекстно–временного содержания с последующей концептуализацией и методологической разработкой;

– определена специфика сложной идентичности с позиции современной теории культуры как этнокультурной формы, содержащей социоцентрические идеалы и сохраняющей их аутентичное содержание для этнических групп, методология исследования была обоснована контекстно–дискурсивным описанием соответствующих актуальных культурных практик;

– дано научное определение понятию «культурные практики» как функциональному механизму культуры, благодаря которому реализуются конструктивные процессы трансляции и изменения социоцентрической и культуросозидающей деятельности в конкретном социокультурном пространстве;

– сформировано комплексное понимание культурных практик в аспекте формирования культурной среды разных этнических групп с возможностью сохранения традиционных и создания новых идеалообразующих ценностей; проведенный анализ культурных практик этнокультурных групп Красноярского края позволил зафиксировать ценностное представление о сохранении этнического и культурного своеобразия для позитивной этнокультурной идентификации и формирование новых практик для развития межкультурных отношений в современном поликультурном пространстве;

– анализ культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока выявил уникальный процесс социокультурного идеалообразования в условиях глобализации, в котором этнокультурная самоидентификация не исчезает, а постоянно нарастает с начала XXI в., что проявляется в разнообразных культурных практиках, адаптирующих этнокультурные группы коренных малочисленных народов к современным реалиям постиндустриального мира;

– концептуализировано понятие «этнокультурная группа» как культурной константы, определяемой психоментальным комплексом этнических групп, обуславливающим трансформации окружающих природной, социокультурной и межэтнической сред, и познаваемой через анализ создаваемых

архифункциональных вещей и текстов, актуальное содержание которых выявляется путем исследования соответствующих культурных практик;

– выявлены некоторые особенности масштабного системного «социоантропологического проекта» по формированию новой культурной и социальной действительности в ранний период формирования СССР, времени создания новых культурных принципов государственной национальной политики, динамично воспроизводящей сложные формы социальной (групповой) идентичности. Анализ динамики культурных форм государственной национальной политики зафиксировал генезис от трансформации этносов к их преобразованию в этнокультурные группы;

– зафиксирован механизм регионального культурного строительства и спектр культурных практик, связанных с устойчивым производством сложных форм этнокультурной идентичности в истории культуры Красноярского края XX – начала XXI вв., демонстрирующей процесс формирования «ядра» региональной культуры как предельного основания для генерации новых самоидентификационных инвариантов в подвижном этнокультурном пространстве;

– определены ключевые тенденции формирования национального аспекта культурной политики с начала XX в. по настоящее время: переход от централизации управления культурной сферы в советский период к ее децентрализации в постсоветский период, что положило начало развитию современной российской модели культуры как стратегической установки на воспроизводство и сохранение многообразных форм этнокультурной идентичности, необходимой для эффективного и устойчивого развития поликультурного пространства равноправных этнокультурных групп;

– представлены результаты культурологического анализа и зафиксирована идентификационная насыщенность региональной этнокультурной среды: факторный анализ данных позволил определить актуальные комбинационные формы этнической идентичности, составить социокультурный портрет носителей сложных форм идентичности, определить ключевые детерминанты в формировании региональной идентичности, ввести новые теоретические определения и исследовательские гипотезы;

– обобщены результаты культурологического исследования и выявлены ключевые представления о механизме культурного формирования сложных форм региональной идентичности, степень сложности которой напрямую зависит от усвоения этнокультурных оснований, их воспроизводства в культурных практиках и осознанного выбора собственной формы (или форм) идентификации в поликультурном пространстве.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в современной теории культуры в качестве концептуального определения сложной идентичности, а также научной модели исследования этнокультурной идентичности в процессах межкультурных отношений, поскольку был выполнен культурологический анализ феномена

сложной идентичности и определены его категориальные значения в сфере теории и истории культуры.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что материалы, концептуальные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке теоретических аспектов в научных дисциплинах культурологии и социально-культурной антропологии. Кроме того, диссертация может служить основой для научно-исследовательских работ по анализу российской культуры в целом, государственной культурной политики, государственной национальной политики, современных этнокультурных отношений, а также для выявления сложных форм идентичности и этнокультурных оснований в условиях поликультурного развития российского общества на региональном и федеральном уровнях.

Предложенные в диссертационном исследовании выводы и рекомендации могут применяться в качестве методологической основы при экспертном анализе этнокультурных процессов на региональном уровне, для понимания современной российской этнокультурной карты, изучения эффективности региональных практик и процесса реализации национальной культурной политики, оценки роли институтов гражданского общества в системе межнациональных отношений. Кроме того, данное диссертационное исследование может быть использовано при разработке учебных программ и подготовке учебно-методических пособий по широкому спектру учебных дисциплин (культурология, социальная и культурная антропология, прикладная культурология, введение в исследования культуры, этнология, межкультурные коммуникации), различных спецкурсов по истории и теории отечественной культуры для студентов средних специальных и высших учебных заведений, аспирантов.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования является использование двух доминирующих в современной отечественной культурологии подходов. В первом случае это теоретическое осмысление культуры как специфического феномена бытия человека и его взаимодействия с окружающим миром. Во втором – проведение эмпирических исследований с целью анализа полученных результатов для понимания контекстуально-временного и актуального значения сложных форм идентичности в современном поликультурном обществе.

В работе применены классические методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, методы фокус-группового интервью и другие. Кроме того, в числе основных методов активно используются факторный (со статистической обработкой данных в программе SPSS) и категориальный анализ, методики которых подробно описаны в п. 1.2.

В качестве эмпирической базы диссертационного исследования выступили:

– труды отечественных и зарубежных авторов, раскрывающие различные теоретические и методологические аспекты сложной идентичности как феномена культуры;

– научные публикации, изданные за последние двадцать лет в журналах, индексируемых Web of science & Scopus, и имеющие высокую цитируемость, по

теме сложности этнокультурной идентичности как текстологическая база для анализа и моделирования ключевых понятий диссертационного исследования;

– краевые архивные документы по образованию и просвещению в Красноярском крае, по национальной культурной политике в советский и постсоветский периоды;

– современные стратегические документы в области культурной политики, национальной политики и межнациональным отношениям на федеральном и региональном уровнях;

– исторические данные о советском периоде государственной национальной и культурной политики союзного и краевого уровней;

– эмпирические данные, полученные в ходе проведения количественных культурологических исследований жителей Красноярского края;

– эмпирические данные, полученные в ходе проведения качественных культурологических исследований жителей Красноярского края;

– материалы полевых исследований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на территории Красноярского края;

– тексты государственных программ Красноярского края в области национальной и культурной политики.

Многогранность объекта и предмета диссертационного исследования определили необходимость применения междисциплинарной и комплексной методологической стратегии, складывающейся вокруг базовых культурологических методов и методик.

Апробация результатов диссертационного исследования была осуществлена:

1. В выступлениях автора на научно-практических конференциях, а также иных мероприятиях, среди которых следует выделить: семинар «Теория и практика прикладных культурных исследований» (2010–2021 гг., г. Красноярск); научно-практическая конференция «Проблемы сохранения и развития культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2017 г.), международную научную конференцию «4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM» (Вена, 2017 г.), международные научно-практические конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы» (2016–2020 гг., г. Красноярск).

2. В публикациях, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях. Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 63 научных труда и учебных изданий общим объемом 60 п. л. (по данным на 2 апреля 2021 г.). Индекс Хирша РИНЦ 26, H-index Scopus 6, процентиль по ядру РИНЦ 1 (основная рубрика ГРНТИ 130000 Культура. Культурология).

3. В учебных изданиях по современной теории и методологии культуры, разделах коллективных монографий, посвященных исследованию региональной специфики культурных форм и процессов Красноярского края, а также

реализованы в стратегическом документе по развитию северных и арктических территорий и мерах государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера Красноярского края до 2030 г.

4. В ходе реализации грантовых исследований: с 2010 по 2012 гг. диссертант являлся участником ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» (проект «Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций: Форсайт-исследование до 2050 г. на материале анализа якутского этноса»); исполнителем проекта Фонда президентских грантов «Сохранение и защита самобытности и языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: создание корпуса текстов современной детской литературы на ненецком, нганасанском и долганском языках» (2018 г.), проекта «Семья народов Красноярского края» (2017 г., 2020 г.), грантовых проектов при поддержке АО Востсибнефтегаз «Возрождение эвенкийского языка» (2018 г.), «Актуальные способы сохранения эвенкийского культурного наследия» (2019 г.), при поддержке Проектного офиса развития Арктики «Разработка научной модели и создание энецкой письменности как средства сохранения и воспроизводства энецкого культурного наследия» (2018 г.). Диссертант систематически выступает исполнителем проектов грантовых программ Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности – всего 9 проектов за период с 2010 по 2021 гг., направленных на изучение системы культуры Красноярского края. В настоящее время является исполнителем научного гранта «Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Енисейской Сибири» при поддержке РФФИ (до 2022 г.).

5. В процессах преподавательской деятельности: с 2005 г. по настоящее время диссертант занимается преподавательской деятельностью в Сибирском федеральном университете. Материалы диссертационного исследования легли в основу содержания дисциплин: «Теория и история культуры»; «Культурология»; «Социальная и культурная антропология», «Основы научно-исследовательской деятельности».

Структура диссертационного исследования состоит из введения, пяти глав (16 параграфов), заключения, списка литературы и приложения. Список литературы включает 723 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обоснована актуальность заявленной темы, проанализирована степень изученности проблемы, определены объект, предмет, цели и задачи диссертации, раскрыта методологическая основа и научная новизна, выявлены теоретическая и научно-практическая значимость работы, даны сведения об апробации результатов исследования и его структуре.

Первая глава «Концептуальные подходы к понятию «сложная идентичность» в социальных и гуманитарных науках» раскрывает актуальные подходы и концепции по проблематике сложной идентичности в междисциплинарном поле гуманитарных наук с целью теоретико-культурного и

методологического определения феномена в контексте развития современной теории культуры и межкультурных отношений.

В первом параграфе «Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках» проанализировано концептуальное понимание сложной идентичности в системе культурологического знания.

Понятие «социальная идентичность» стало разрабатываться в науке в 1970-е гг. в связи с изучением внутригрупповых отношений, групповых процессов и межгрупповых отношений, связанных с преследованиями различных этнических и социальных групп. К этому времени в гуманитарных науках сложились две авторитетные социопсихологические теории: теория социальной идентичности межгруппового поведения Г. Тешфела и Дж. Тернера и теория самокатегоризации Дж. Тернера. Социокультурный анализ внутригрупповых и межгрупповых отношений позволил ученым зафиксировать содержание понятия «социальная идентичность» как осознание групповой социокультурной принадлежности, а также формирование представлений об уникальных (личных) и социальных (сходных с другими членами группы) качествах. Обе теории, взятые вместе, известны как подход социальной идентичности, который повлиял на прикладные социальные науки, в том числе на организационную психологию в части разработки темы межгрупповых отношений в групповой динамике.

Анализ существующих подходов позволил зафиксировать современное понимание понятия «сложная идентичность» в качестве феномена, имеющего структуру и формы идентификационных пересечений, а также уточнить специфику феномена сложной социальной идентичности: 1) у каждого индивида есть внутренняя мотивация и тенденция относиться как себя, так и окружающих к тем или иным социальным категориям, основываясь при этом на восприятии своих и чужих черт и атрибутов; 2) каждый индивид имеет определенные социальные характеристики, по которым можно определить соответствующие ингруппы и согласно которым человек структурирует свою социальную идентичность, самоопределяется как член той или иной группы, стремится к достижению или сохранению позитивной социальной идентичности; 3) феномен сложной (множественной) социальной идентичности есть ничто иное как потребность индивидуума быть соучастником множества различных социальных групп, их признанность как идентичных себе и представление о своей социальной идентичности в суммированном или интегрированном качестве; 4) разность качества зависит от степени воспринимаемого пересечения идентифицируемых групп: при сильном пересечении складывается простая форма социальной идентичности, при меньшем – сложная форма в бифуркации собственных групповых идентичностей. Социальная идентичность может носить временный характер из-за потребности в социальной мобильности и вследствие изменений в окружающей реальности.

В начале XXI в. переход к комплексным междисциплинарным исследованиям сформировал понимание, что идентификационные процессы – это базовые социокультурные процессы, которые должны изучаться в ракурсе современной теории культуры и межкультурных отношений. До настоящего времени синтез

научных подходов в интегративную теорию идентичности не произошел, данная проблематика остается рассредоточенной по конкретным исследованиям и узким дисциплинам.

Во втором параграфе «Методологические возможности культурологических исследований для анализа сложных идентичностей» рассмотрена актуальность культурных исследований и предложена современная стратегия исследования сложной идентичности как культурного феномена.

Понятие «сложная идентичность» сегодня является одним из самых научно обсуждаемых. С одной стороны, множественность подходов к трактовке идентичности образует широкое предметное поле данного феномена, далекое от унификации и от возникновения единой теории идентичности. С другой же, проведенный анализ теоретических подходов определил путь эмпирических исследований как наиболее эффективный в изучении культурных феноменов. В отношении сложных форм идентичности культурологический аспект связан с интеграцией существующих подходов в единую культурологическую теорию сложной идентичности, где кристаллизуется научное моделирование вокруг понятий культуры, культурных практик, культурных процессов, ориентированных на акцентирование процессуальности, динамики, трансформаций. В связи с этим изучить феномен идентичности необходимо в его актуальном контекстно-временном состоянии, позволяющем выявить определенные составляющие бытия человека в современном социокультурном пространстве.

Современная методологическая стратегия направлена на обнаружение базовых процессов, предопределяющих социокультурное своеобразие общества, а также на изучение процесса формирования сложных форм идентичности в современной культуре и контекстно-временных форм процессов групповой и персональной идентификации. Данный подход позволяет анализировать особенности формирования конкретных сложных форм социокультурных идентичностей, а именно, сложных этнокультурных идентичностей.

В третьем параграфе «Сложные формы этнической идентичности как предметность современной теории культуры» рассмотрена специфика теоретико-культурного понимания сложных форм этнической идентичности как разновидности социальной идентичности.

Аналитический обзор современных исследований позволил зафиксировать наиболее распространенную классификацию форм этнической идентичности (моно-, би-, над-, квази-, мультиэтничности), характеризующие ее как сложный феномен социальной идентичности. На этом основании фиксируется специфика в исследованиях процессов этнической идентификации и самоидентификации в современной теории культуры: 1) этническая культурная идентификация, в результате которой складывается та или иная этническая культурная идентичность, есть разновидность процессов создания и воспроизводства сложных форм социальной идентичности, которые встраиваются в стратегии современных бикультурных и поликультурных сообществ; 2) этническая культурная идентичность – это одна из самых сложных и вариативных форм

социальных идентичности, складывающаяся в процессе межкультурного (межэтнического) взаимодействия в ходе социокультурных процессов и реализации культурных практик и конструируемая индивидом и/или социальной группой как новая форма этнокультурной самоидентификации.

Сложные формы этнической идентичности становятся предметностью современной теории культуры, которая связана с системой категорий, понятий, принципов, методов, методик, характерных для культурологических научных дисциплин в контексте акцентирования исследовательского фокуса на культурных практиках, культурных формах и культурном своеобразии данных процессов.

В четвертом параграфе «Культурологическая модель измерения сложной социальной идентичности» произведен анализ культурологической модели измерения сложной социальной идентичности в социально-культурных взаимодействиях.

Понятие «сложная идентичность» связано с определением природы личной и социальной идентичности. Поэтому в течение XX в. социальные отношения и формы взаимодействий стали предметом изучения, причем непосредственно в живой реальности. Во второй половине XX в. представители структурно-функционального подхода в культурной антропологии С. Роккас и М. Брюер предложили модель измерения сложной социальной идентичности в межкультурных отношениях, которая объясняет, как индивидуум концептуализирует свои первичные социальные идентичности и группы, и предлагает структуры по взаимодействию. Авторы концепции предлагают четыре структуры множественных внутригрупповых представлений субъекта о межгрупповых отношениях: «пересечение», «доминирование», «обособление», «слияние».

Анализ современных культурологических моделей исследования сложных социальных идентичностей в потоках социально-культурных взаимодействий позволил зафиксировать конвенциональный научный вывод о природе дифференциальной изменчивости в социокультурном пространстве. Природа социокультурных изменений есть социально-психологический процесс упрощения или усложнения индивидуальных и коллективных представлений, формирующихся в контексте социальных, культурных (ценностных, в том числе) и психологических влияний, а также в контексте господствующего типа социальной системы – монокультурного или поликультурного, стратифицированного или интеграционного и т.д. Культурологическая модель исследований сложной идентичности связана с описанием социокультурного своеобразия групповых и межгрупповых взаимодействий, а также выделением ряда феноменов, характерных для этих процессов, как культурных универсалий, проявляющихся в разных конкретных социокультурных средах достаточно схожим образом. Данная модель применима для обнаружения отличимых форм и анализа степени сложности формируемых представлений.

Вторая глава «Методологические подходы к исследованию сложной идентичности в гуманитарных и социальных науках» посвящена

исследованию методологических подходов, методов и методик как в системе социального и гуманитарного познания, так и в современной теории культуры.

В первом параграфе «Методологическое обоснование исследования сложной идентичности в социогуманитарном знании XIX–XXI вв.» рассмотрена интеллектуальная история методологического исследования сложной идентичности, возникшей в философском осмыслении в эпоху Нового времени, а как термин и категория ряда наук (культурологии, этнологии, психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии) оформившейся с середины XX в.

Условное разделение на персональную (единство представлений) и социальную (совокупность восприятий) идентичности позволило развиваться двум наиболее влиятельным стратегиям исследования. Первая стратегия оформилась в психоаналитическом и эпигенетическом подходах и с сер. XX в. вышла на междисциплинарный научный уровень обсуждения, продолжив развитие в различных направлениях зарубежной психологии. Природа феномена сложной идентичности здесь характеризуется как содержательно процессуальная, способная перестраиваться в течение жизни через преодоление «кризисов идентичности»; ее типология квалифицируется по наличию или отсутствию такого кризиса, осознанию новых целей и решений, поиску новых путей саморазвития. Вторая стратегия изучения сложной идентичности теоретически оформилась в XIX–XX вв. в символическом интеракционизме, структурно-функциональном и социально-конструктивистском направлениях. Разноаспектное понимание природы идентичности, сформированное различными научными направлениями, к началу XXI в., постепенно интегрируется в понимании, что идентичность имеет сложную сущность, внутри которой созревают, изменяются и исчезают разные статусы индивидуального и социального качества. Современные методы и методики исследования направлены либо на обнаружение процессуальных и структурных аспектов формирования социального «Я» (ролевой подход), либо на изучение типов идентичности (конструктивный подход).

Психоцентричная и социоцентричная стратегии как крайние точки возможной методологии фиксируют разнообразие существующих подходов, указывая на доминанту значимости «внутренних» (внутренние психические процессы) или «внешних» (социальные взаимодействия) процессов, а также проявляя интерес к тому или иному компоненту структуры сложной идентичности или преимущественным механизмам ее воспроизводства.

Концептуальное обоснование сложной идентичности формируется на интерпретативной методологии, которая позволяет сфокусировать внимание на форме идентичности, возникающей в процессе межкультурных отношений этнически разных групп. Методологические разработки культурных антропологов XX века, основанных на позитивистской доктрине, существенно повлияли и расширили область прикладных исследований сложной природы современной идентичности. В современных исследованиях для анализа культуры как процесса складывания смыслов, закодированных в практиках, применяется метод

факторного анализа, помогающий определить структуру переменных сложной идентичности и классифицировать ее формы.

Второй параграф «Междисциплинарные исследования сложной идентичности» посвящен анализу недавно осуществленного в науке переходу от разнонаправленного понимания сложной идентичности к изучению ее множественных и пересекающихся форм.

К началу XX в. философские, социально- и культурно-антропологические, социальные и психологические методологические подходы позволили обосновать эффективность проведения разнонаправленных эмпирических исследований для последующей концептуализации феномена сложной идентичности как междисциплинарного объекта исследований. Аналитический обзор междисциплинарных исследований сложной идентичности позволил зафиксировать проблематику перехода от социальной категоризации к изучению интегральных форм социокультурных феноменов. Поворот от статистического к динамическому пониманию сущности феномена сложной идентичности смещает исследовательский фокус с изучения множественных форм социальной идентичности на сложные формы одной идентичности. Ключевой характеристикой интегральной (сложной) формы выступает качество связи, консолидирующей разные формы множественной идентичности в единый инвариант. Методологическая трудность изучения сложной идентичности разрешается благодаря современной стратегии культурологического исследования посредством комплексного анализа актуального контекстно-временного содержания процессов сложных идентификаций и концептуализации полученных результатов. Современная теория культуры имеет ряд научно-дисциплинарных преимуществ, позволяющих выстроить адекватную исследовательскую модель, обладающую прогностическими возможностями и имеющую прикладное значение для эффективной реализации государственной национальной и культурной политики в современной Российской Федерации, как на федеральном, так и региональном уровнях.

В третьем параграфе «Концептуальное обоснование исследования сложной идентичности с позиции современной теории культуры» исследуется сложная этнокультурная форма идентичности на основании философского понимания генезиса культуры в авторской концепции Д.В. Пивоварова и семиотического подхода к культуре К.Д. Гирца.

В современной теории культуры «сложная идентичность» раскрывается как категория для обозначения этнокультурной формы, возникающей в процессе социально-культурного отождествления индивида с этническими группами. Каждая этнокультурная общность обладает уникальным набором социоцентрических идеалов, содержащих а) особый род ценностей (общего языка, веры, традиции и обычаев), б) предопределяющих выбор преимущественных форм деятельности (порождаемых этносом культурных практик, которые влияют на процесс развития и способствуют сохранению и воспроизводству этнической и культурной уникальности) и в) знаки-коды (передаваемые в знаковой информационной форме смыслы существования и функционирования данной

этнокультурной общности). Этнокультурное идеалообразование понимается как непрерывающийся процесс сохранения и воспроизводства этническими группами эталонов своего идентифицирующего содержания. Социальное значение этнокультурных идеалов можно объяснить интерпретативной теорией «насыщенного описания» К. Гирца, который исходит из идеи систематического анализа коммуникативного поведения как имеющего сознательный, осмысленный, контекстуальный характер. Результатом исследования становится обнаружение культурного контекста и комплексной интерпретации социального дискурса с целью реконструирования социального явления.

В третьей главе «Культурные практики как понятие теории и истории культуры» произведен концептуальный анализ понятия «культурные практики» в современной культурологии и рассмотрены региональные особенности культурных практик этнокультурных групп Красноярского края.

В первом параграфе «Понятие «культурные практики» в современных культурных исследованиях» теоретический культурологический анализ позволил зафиксировать исторический путь исследования культурных практик и концептуально обозначить их ключевые характеристики.

Эпистемологический подход был разработан в рамках социального бихевиоризма и когнитивной психологии. Благодаря развитию теории поведения слово «практика» закрепилось для анализа сферы социальных и культурных отношений. В конце XX в. в рамках когнитивной психологии был обозначен функциональный потенциал культурных практик: способность к организации когнитивного (индивидуального и социального) поведения в пространстве и времени, системное качество осуществления и трансформации культуросозидающей человеческой деятельности. *Онтологический подход* сформировался в середине XX в. в контексте культурной антропологии. Благодаря произошедшему лингвистическому повороту вскрылась контекстуальная природа практик и понятие «культурные практики» трансформировало свое значение в контекстуальную деятельность, требующую со стороны ученых насыщенной интерпретации смыслов и значений культурных сообществ. В интеграции эпистемологического и онтологического подходов понятие «культурные практики» моделируется как относительно автономный идеалообразующий процесс организации когнитивного индивидуального и социального поведения в пространстве и времени, системное качество идеалообразования, осуществляющееся и трансформирующееся в культуросозидающей человеческой деятельности. Культурные практики рассматриваются как процессы идеалообразования в историческом прошлом и как факторы формирования будущего социокультурного пространства.

На рубеже XX–XXI вв. происходит резкое увеличение научного интереса к исследованию культурных практик в междисциплинарном поле современной социогуманитарной науки. Складывается *междисциплинарный подход*, в котором кристаллизуется специфика особых практик как «первично» социальных, способных влиять на деятельность, как на локальном, так и на глобальном уровнях. Современные междисциплинарные исследования фиксируют

интегративную роль культурных практик в социокультурном пространстве глобализирующегося мира. В российской науке определение культурных практик сопряжено с понятием «габитуса».

Анализ актуальных культурологических исследований позволил определить специфику понятия культурной практики в теории и истории культуры. С 1990-х по настоящее время всё большее внимание ученых-культурологов сосредоточено на культурных практиках как особой деятельности по формированию этнической идентификации. Объединяет ученых признание того факта, что современные общества представляют собой системы культурных групп, связанных стабильными социальными коммуникациями и общей социальной жизнью. В нач. XXI в. в связи с ростом этнокультурного самосознания, в системе культуры удалось обнаружить практики сохранения и воспроизводства уникальной социальной основы различных этнических групп. Понимание сферы культуры как системы и практики идеалообразования становится ключевым для анализа культуросозидающей деятельности как социоцентрирующей, а также для культурологического анализа практик социоцентрического идеалообразования в конкретном социокультурном пространстве.

Единая теория культурных практик только складывается, понятие «культурные практики» приобретает определение как «функциональный механизм культуры, благодаря которому реализуются конструктивные процессы трансляции и изменения социоцентрической и культуросозидающей деятельности в конкретном социокультурном пространстве».

Во втором параграфе «Виды культурных практик в социально-культурном пространстве Красноярского края» выявлено комплексное понимание культурных практик с позиции современной теории и истории культуры и определены основные виды культурных практик этнокультурных групп в социально-культурном пространстве Красноярского края.

В современных культурологических исследованиях термином «культурные практики» обозначаются разные виды деятельности: в зарубежной культурологии превалирует тема социализации (детей, подростков, мигрантов, инвалидов), в отечественной – актуальных прикладных культурных практик (педагогических, лингвистических, художественных, этнических). В комплексном понимании культурные практики способны сформировать культурную среду для проживания разных социальных групп. Особую необходимость в них испытывают современные большие города и мегаполисы (системы социальных групп), где проживают представители этносов – носителей смыслов и значений разных культур. С помощью культурных практик каждой этнической группе возможно манифестировать свою культурную уникальность и, одновременно, успешно адаптироваться в межкультурной среде. Культурные практики имеют фундаментальную социокультурную природу для сохранения традиционных и созидания новых ценностей, в совокупности позволяющих продолжить процесс социоцентрического идеалообразования.

Моделирование культурных практик, характерных для конкретного региона, позволяет проанализировать процессы сохранения этнокультурной идентичности

и возрождения этноса в современном поликультурном пространстве Красноярского края. На основании культурологической интерпретации теории социальной и культурной идентичности, концепции межкультурных стратегий и синтетической концепции культуры как идеалообразования проверена гипотеза о положительном воздействии культурных практик на процессы этнической идентификации, идущие по направлению сохранения и манифестации этнокультурной уникальности или по направлению развития этнокультурной группы в интенсивном межкультурном взаимодействии. Анализ доминирующих культурных практик десяти этнических групп (русской, украинской, татарской, немецкой, азербайджанской, белорусской, чувашской, армянской, киргизской, узбекской) позволил определить специфику формирования региональной культурной среды как процесса сохранения традиционных и «запуска» новых идеалообразующих процессов. Проведенный анализ позволил зафиксировать ценностное представление о сохранении этнического и культурного своеобразия для позитивной этнокультурной идентификации и формирование новых практик для развития межкультурных отношений.

В третьем параграфе «Культурные практики коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края» проанализированы особенности социцентрирующих культурных практик северных народов (долганы, эвенки, ненцы, кеты, нганасаны, селькупы, энцы, есейские якуты) и зафиксирован ряд региональных этнокультурных особенностей современного идеалообразования.

В условиях глобализации данные этнокультурные группы претерпевают кризис традиционного образа жизни, в котором органично развивались этносохраняющие традиционные виды деятельности. Этот же фактор способствует выработке новых объединяющих социокультурных идеалов и рост интенсивности этнокультурной самоидентификации посредством разворачивающейся деятельности по сохранению редких языковых диалектов, воссозданию традиций межпоколенных родовых отношений, культивированию традиционных ценностей семейной культуры. Современные коренные народы выстраивают процессы этнокультурной идентификации посредством особого типа практик, специфика каждой определена культуросозидающей направленностью: информационные практики формируют «аудиальный конструкт» этнокультурной идентичности, художественные практики воплощают ее «визуальный конструкт». Современное состояние коренных малочисленных народов указывает на присутствие обоих видов культурных практик, обеспечивающих процесс сохранения и воспроизводства культурного наследия. «Малочисленность» из фактора культурной ассимиляции превращается в фактор культурной консолидации и этнокультурной идентификации.

Развитие современных культурных практик раскрывает их фундаментальную социокультурную природу и позитивное воздействие на процессы этнической идентификации, конструирование различных форм этнокультурной уникальности, позволяющих выделиться и обособиться в современной поликультурной социальной системе. Посредством культурных практик

формируется деятельностная и когнитивная среда, влияющая на взаимоотношения этнокультурных групп.

Четвертая глава «Теоретико-культурологическое обоснование понятия «сложная этническая идентичность» посвящена концептуальному обоснованию понятия «сложная этническая идентичность» на основании анализа теории этноса С.М. Широкогорова и исследования формирования сложных идентичностей в культурных процессах на российском государственном и Красноярском региональном уровнях.

В первом параграфе «Этнокультурная группа» как научное понятие» концептуализировано понятие «этнокультурная группа» на основании анализа теорий этноса С.М. Широкогорова и В. Вундта.

Согласно концепции С.М. Широкогорова феномен этноса состоит в его надродовой сущности и существовании, циклично производящем комплекс культурных элементов и целостно определяющем все сферы жизнедеятельности людей. Каждый этнос имеет свойственный ему психоментальный комплекс, эвристически понимаемый как устойчивая надындивидуальная структура, составляющая парадигму этнического бытия в его психологических и интеллектуальных измерениях. В понимании автора каждый этнос совершает путь от трансформации к трансформации, преодоление препятствий на этом пути преобразует психоментальный комплекс и закрепляет эту трансформацию в разнообразии культурных форм и практик. Понятие «этнос» является концептуальным стержнем для исследований сферы жизни этнокультурных групп, а понятие психоментального комплекса раскрывает подвижную природу этнокультурного самосознания, закрепляемого в установках, идеях, видах поведения, обычаях и практиках.

Современная интерпретация концептуальных положений теории С.М. Широкогорова как эвристического фундамента актуализирует содержание сложных форм этнической идентичности. Этнические качества указывают на базовые процессы этнокультурных групп, каждая из которых солидаризирована верой в единство происхождения, традиций и обычаев, языка и основных способов существования. Культурологический анализ теории этноса позволяет сформулировать содержание понятия «этнокультурная группа» посредством синтеза понятий «этнос» и «психоментальный комплекс», в совокупности позволяющих объяснить динамику развития межэтнических отношений на всех уровнях управления в контексте государственной культурной и национальной политики (федеральном, краевом, муниципальном). Понятие «этнокультурная группа» концептуализируется как культурная константа, определяемая по способу трансформации психоментального комплекса группы для интеграции в актуальные природную, социокультурную и межэтническую среды.

Исходя из этнологического (С.М. Широкогоров) и психологического (В. Вундт) обоснования определяются особенности понимания процесса сохранения и развития этнокультурной идентичности: 1) устойчивость этнокультурной идентичности во времени обеспечивается «успешностью» способов приспособления к новым социокультурным условиям (в данном случае

критерием «успешности» является продолжение жизнедеятельности данной группы в ее специфических этнокультурных идентификационных формах или растворение в других); 2) развитие этнокультурной идентичности происходит посредством выстраивания отношений с иными этническими группами, что также обеспечивает уход от кризиса идентичности; 3) потребность в сохранении идентичности в новых средах приводит к необходимости в культурных практиках, адаптирующих прежнюю и развивающих новую социоцентрирующую ценностную систему.

Современный мир социокультурных межэтнических отношений демонстрирует, что сохранение и воспроизводство психоментального конструкта становится одним из необходимых условий для продолжения этногенеза, социогенеза и культурогенеза. Процесс адаптаций и интеграций между этнокультурными группами не прекращается по причине подвижной природы этнического самосознания. Основанием для этнической идентификации становится набор культурных текстов, которые позволяют той или иной этногруппе сохранять, развивать и культивировать этническую самоидентификацию. Понятие «этнокультурная группа» есть концептуальный синтез онтологического (союз родовых семей, коммуна, община, общность) и деятельностного аспектов (культурообразующая и культуросозидающая деятельность этноса), поскольку более отвечает реальности существования этноса в межэтническом мировом пространстве.

Во втором параграфе «Динамика государственной культурной и национальной политики советского периода» представлены результаты анализа динамики культурных аспектов национальной политики Советского Союза в аспекте генезиса и пути трансформации психоментального комплекса этнических групп с помощью механизмов культуры (1922-1991). Для культурологического анализа привлечены концептуальные положения теорий С.М. Широкогорова и К. Гирца, а также научные и исторические данные о советском периоде государственной национальной и культурной политики.

С 1920 года до начала распада СССР в ходе длительного процесса решения задач культурной революции не только состоялся масштабный социоантропологический эксперимент по формированию новой культурной и социальной действительности. Это было время создания новых культурных принципов национальной политики, динамично воспроизводящей сложные формы социальной (групповой) идентичности.

В советской системе на раннем этапе идеологема равенства стала ключевой целью для коренного преобразования человеческой деятельности посредством создания новой этнокультурной и этноязыковой основы для интеграционного развития многонациональной общности. «Строительство наций» привело к формированию иного – этнокультурного – социоцентрирующего основания, в котором соединились качества собственно этнической и национальной принадлежности (по территории, языку, культуре). Анализ динамики культурной национальной политики в советский период позволил зафиксировать уникальность феномена советской культурной политики как части культурного

механизма, направленного на трансформацию психоментального комплекса этносов и, как следствие, их преобразование в этнокультурные группы. Иными словами, этнические группы под влиянием активно внедряющихся культурных практик приобретают ценностное качество выступать основой этнокультурной идентичности, а также основой для формирования более сложных форм этнокультурной идентичности.

В результате под влиянием заданных культурно-политических практик произошло усложнение форм этнической идентичности в этнокультурные, что позволило в дальнейшем бывшим этническим группам удержать качество уникальных и преобразоваться в этнокультурные группы, где основанием для солидаризации выступили не территориальная, языковая, родовая и иная возможная изолированность, а общее присвоение группой базовых культурных текстов и базовых культурных практик, обособляющих эту группу среди других в сложном поликультурном пространстве. Этнические группы коренных малочисленных народов в советское время под влиянием культурно-политических практик, получая терминологические статусы «народностей», «национальных культур», «нерусских», «национальностей», прошли путь трансформации, не потеряв этнического (этнокультурного) самосознания. Одним из главных коллективных усилий постсоветских этнокультурных групп является поиск и культивирование одной или нескольких уникальных культурных практик и самоопределение через активное присвоение себе этой практики на различных уровнях современной социокультурной системы (глобальном, российском, региональном, локальном и т.д.).

С 1950-х годов советская культурная политика по отношению к активному нациестроительству сбавляет свою интенсивность и в 1953 году ее кураторство переходит к Министерству культуры СССР, но этнокультурные группы, сформировавшиеся в предшествующий период, продолжили свое существование, сохраняя и культивируя свою этническую самобытность уже в иных форматах и практиках. На современном этапе развития Российской Федерации сфера культуры ещё более важна для решения этнических и национальных вопросов, а базовым направлением внутренней политики является эффективное управление межэтническими отношениями. Вопрос состояния многонациональной целостности во многом решается посредством сохранения и возрождения этнокультурного самосознания.

В третьем параграфе «Культурные практики формирования сложных идентичностей в Красноярском крае в XX — XXI веках» на основании анализа региональных исследований ученых, экспертов, исследователей и специалистов, занимающихся проблематикой межэтнических и межкультурных отношений, этнических вопросов и этнокультурных процессов Красноярского края зафиксирован механизм регионального культурного строительства и спектр культурных практик, связанных с устойчивым производством сложных форм этнокультурной идентичности в истории культуры Красноярского края XX — начала XXI века.

Специфика этнокультурного развития Красноярского края тесно связана с его

историей, которую можно условно разделить на пять периодов. Первый связан с длительным заселением Сибири и формированием этнической карты коренными народами: до прихода русских здесь обитали тюркские, самодийские, тунгусские и енисейские племена. Второй начинается походом Ермака Тимофеевича и процессом присоединения Сибири к России. Последующие три периода связаны с этнической историей русских (с начала XVII века – это доминирующее население региона, в первую половину XX века его состав расширяется за счет беженцев, военнопленных и ссыльных, во вторую – за счет новых этнических групп). Исторический экскурс позволяет определить весь XX век как период активного развития культурных практик. При этом, каждые двадцать лет фиксируется смена практик, по-разному формирующих качество сложной социокультурной идентичности. Комплексный анализ этнокультурной история Красноярского края (см. п. 13 Положения, выносимые на защиту) позволил зафиксировать динамику этнокультурных групп по увеличению сложности и скорости природы этнического самоопределения (идентичности) и сформулировать ключевые положения о механизме формирования сложных форм идентичности посредством региональных культурных практик:

– выбор степени сложности зависит от индивида, но посредством культурных практик этническое самосознание становится единственной формой, вписывающей современного индивида в определенную общность и позволяющей формировать сложные формы этнокультурной идентичности;

– «ядро» региональной культуры – это и есть сумма социокультурных процессов, позволяющих выстраивать самоидентификационные инварианты, отождествляя себя со «своей» («родной») этнической группой, с сибирской «надэтнической» региональной социокультурной группой, с российским полиэтничным и поликультурным обществом в целом;

– этнокультурная история региона раскрывает закономерности динамики формирования ядра региональной культуры, основанного на информационных и художественных практиках, созидающих этнокультурные качества межэтнического сообщества и позволяющих сохранять традиционные этнические и национальные ценности базовых этнокультурных групп;

– результатом влияния культурных практик на психоментальный комплекс этнических групп является их трансформация в этнокультурные группы, чья идентификация складывается на основании двух и более идентификационных оснований.

Уникальная история длительного межэтнического содружества формировалась в динамике возникающих и активно применяемых культурных практик. С одной стороны, основная масса этнически определенных переселенцев ассимилировалась в старожильческом населении (как результат сформировалась сложная форма идентичности «сибиряков» – этнокоммуникационного пространства для сохранения и развития разных культурных традиций и обычаев). С другой, в истории Красноярского края межэтническая коммуникация двигалась в тенденции к неполной ассимиляции, позволяя этнокультурным группам сохранять родной язык, культуру и религию. Многочисленные аспекты

социокультурного межэтнического пространства Сибири показывают, что ключевыми ценностями были и продолжают быть традиционные культурные ценности: сохранение единства культурного многообразия, открытость и уважение людей друг к другу, приводящие к непрерывному созданию и развитию основ для формирования ряда сложных форм этнокультурной идентичности.

Четвертый параграф «Государственная национальная и культурная политика Российской Федерации и процессы формирования сложных форм идентичности» посвящен аспектам «национального» в государственной национальной политике в раннесоветский период, на этапе развития современного российского государства, а также на региональном уровне. Анализ современных документов по стратегическим задачам в области национальной политики и межнациональным отношениям на государственном и региональном уровнях позволил зафиксировать генеральную линию формирования национального аспекта культурной политики, с помощью которой был совершен переход от централизации управления культурной сферой в советский период к ее децентрализации в постсоветский период.

В период революционного культурного строительства национально-культурная программа «коренизации» способствовала укреплению «родных» культур и местных элит, предполагая обязательное участие этнических элит в управлении создаваемых национальных обществ. Формирование наций считалось неизбежной и позитивной стадией, их развитие происходило в пределах границ советской федерации через создание множества институциональных форм, присущих нации-государству. Для максимального развития национальных самобытных культур была предусмотрена централизованная государственная поддержка создания символических признаков национальной принадлежности: фольклора, музеев, одежды, кухни, музыки, поэзии, прогрессивных исторических событий. В раннесоветский период революционное культурное строительство актуализировало аспект «национального» как статусной социальной принадлежности. Уникальность опыта формирования новых национальных культур в ранний период СССР (1920-е – 1930-е годы) состоит в формировании национального самосознания этнических меньшинств посредством преобразования социальных и культурных отношений. Результатом воздействия советской национальной политики как части культурного механизма стало преобразование (усложнение, объединение) этнических групп в этнокультурные. Сформированное национальное самосознание позволило национальным элитам в позднесоветский период совершить переход к сохранению построенного этнокультурного многообразия.

В постсоветской России культурная политика приобрела характер сложного и многоаспектного процесса, сопровождающегося децентрализацией управления культурной сферой, поиском новых программ по развитию культуры, постепенным переходом от административного управления к косвенному. С одной стороны, быстрому темпу перестройки не способствовали иные государственные процессы, происходящие с 1990-х по 2010-е гг. (социально-экономические, идеологические и т.д.). С другой – именно в период перехода от

позднесоветского к российско-гражданскому состоянию в обществе произошло переосмысление советского прошлого, началось возрождение этнокультурной идентичности. С 2010-х гг. происходит корректировка цели и приоритетов государственной национальной и культурной политики, актуализирован поиск новых концептуальных схем в трактовке ее содержания. Ученые фиксируют смену патерналистской модели культуры на партнёрскую как «сильную» программу региональных субъектов для инновационного развития. Новая модель государственной национальной политики, имеющая опору в культурных механизмах, активно апробируется, что отражено в официальных государственных документах и в современном научном дискурсе.

Современная российская модель культурной политики имеет стратегическую установку на воспроизводство и сохранение многообразных форм этнокультурной идентичности, необходимой для эффективного и устойчивого развития поликультурного пространства равноправных этнокультурных групп. С начала XXI в. начался этап нового государственного культурного строительства, в котором приоритетным остается сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Ключевые культурные практики связаны с развитием базовых культурных знаний и в образовании, и в системе социально-культурной деятельности: от знания культурных традиций, обычаев, языка, произведений искусства до деятельного соучастия в формировании одновременно единого и многообразного этнокультурного пространства.

Региональная политика воспроизводства и сохранения этнокультурной идентичности реализуется через государственную программу. В Красноярском крае создана действительно уникальная система государственно-социального партнерства, направленная на сохранение, развитие и поддержку процессов этнокультурной идентификации. Широко используемые на региональном государственном уровне термины «дружба народов» и «семья народов», предполагают солидаризацию деятельности разных этнических групп и конфессий, что способствует развитию и институциональному закреплению сложных форм этнокультурной идентичности. В свою очередь, разнообразные формы национальной (территориальной, языковой, элитарной, культурной) идентичности сохраняются в наследственной памяти о национальности и этнокультурной принадлежности родителей, предков и в наши дни активно поддерживаются национальной и этнической атрибутикой.

В пятой главе «Региональная этнокультурная идентичность и её сложные формы (на материале анализа Красноярского края)» выполнено обоснование и проведены комплексные эмпирические культурные исследования, направленные на анализ этнокультурной идентичности и сложных форм идентичности жителей Красноярского края. Теоретическая интерпретация полученных результатов позволила уточнить культурологическую модель сложных этнокультурных идентичностей в социокультурном пространстве Красноярского края.

В первом параграфе «Количественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края» представлено

культурологическое обобщение результатов исследования, проведенного путем анкетирования жителей Красноярского края. Полученный массив статистических данных обработан в программе IBM SPSS с целью факторного анализа и определения корреляций между переменными, их сравнения в комбинационных таблицах и визуально-графического представления. Выполнена проверка гипотезы о том, что культурные практики как механизмы культуры, воздействующие на этнические группы, направлены на воспроизводство этнокультурной идентичности и выступают факторами, предопределяющими содержание сложных этнокультурных идентичностей. Сопутствующей целью к проведению исследования стало получение актуальной информации о сложных формах этнокультурной идентичности, чтобы соотнести полученные данные с существующими региональными культурными практиками, оказывающими влияние на формирование именно таких форм.

Культурологический анализ процесса сложной идентификации в современных межкультурных отношениях с помощью метода факторного анализа показал идентификационную насыщенность региональной этнокультурной среды. Феномен этнической идентичности имеет не более четырех элементов сложности, каждый из которых определяется по мере насыщения идентификационного качества. При этом в каждом отдельном случае сложная этнокультурная идентичность дробится на уникальные (неповторимые) по составу формы. Отмечена обратная зависимость количества носителей простой или сложной формы от состава: чем сложнее идентичность, тем меньше число ее носителей.

Поставленная в начале исследования гипотеза подтвердилась, в процессе обработки результатов анкетирования оформились две исследовательские гипотезы, только одна из которых была обоснована при детальном комбинационном анализе данных. В сложных формах этнической идентичности знаковыми фигурами являются «мать матери» (бабушка) и «отец». У современных людей идентификационное отождествление основано на близкородственной связи, активизирующей этническую память о предках вплоть до четвертого поколения. Вторая гипотеза возникла при обнаружении корреляции между уровнем образования и сложной идентичностью: уровень образования и социального благополучия коррелируются со сложными этнокультурными идентичностями. Устойчивая корреляция между ключевыми факторами проявилась среди жителей, имеющих тройную и четверную форму сложности, это люди с высшим образованием и средним уровнем дохода. В единичной и двойной формах данные факторы не подтвердились. Благодаря повышению образовательного уровня происходит расширение познавательного горизонта, что позволяет увеличить идентификационные характеристики, формировать насыщенные самопредставления, вступать в коммуникации с окружением и, что немаловажно, иметь социальное благополучие. Вторая гипотеза доказана частично, поскольку недостаточно комбинационных данных количественного исследования, требующего проверки качественными методами.

Во втором параграфе «Качественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края» представлены

результаты культурологического изучения феномена этнокультурной идентичности в представлении людей XXI в. Актуальность качественного исследования связана с тем, что представления индивида напрямую сопряжены с его культурным развитием, в речи репрезентируется, интерпретируется и воспроизводится дискурсивный конструкт этнокультурной идентичности. Синтез результатов применения методов фокус-групп и категориального анализа позволяет получить глубинное культурное описание групповых категоризаций, зафиксировать основные понятия и инварианты этих понятий, определить ключевые категории и найти закономерности для моделирования форм, процессов, практик, формирующих сложные формы этнокультурной идентичности.

Культурологическое концептуальное исследование позволило определить значение сложной этнокультурной идентичности для культуры. В коллективных представлениях современных жителей Красноярского края формирование сложных форм этнокультурной идентичности имеет позитивные значения и смыслы (исследования проводились для социальных групп молодежи, старожильческого населения, представителей национально-культурных автономий). Специфика осмысления сложной идентичности проявилась в организованных фокус-группах, где она определяется как уникальная сконструированная целостность и как проявление более общих социокультурных тенденций в процессах формирования простых и сложных форм идентичностей.

Этнокультурная идентичность возникает в процессе усвоения базовой (родовой) идентичности в детстве, а ее дальнейшее определение идет на основании самоидентификации (с этничностью близких и далеких предков, ключевыми фигурами в этих процессах, как правило, становятся отец и бабушка по матери). Но природа этнокультурной идентичности такова, что при утрате знания (о родных, предках) человек начинает заботиться о его восполнении или создании нового этнического основания, чтобы продолжить собственное развитие в условиях окружающего межэтнического пространства. Комплексные культурные исследования выявили корреляционную взаимосвязь между уровнем образования, социального благополучия и сложностью формы идентичности: рост образовательного уровня способствует расширению собственных идентификационных оснований, формированию насыщенных самопредставлений, большей открытости социальных коммуникаций.

В заключении диссертационного исследования представлены основные итоги проведенной работы, определены перспективы развития и векторы исследований, связанных с темой влияния культурных процессов на социально-экономическое развитие российских регионов. Исследование позволило выявить механизмы и актуальные статусы сложных форм этнокультурных идентичностей для индивидуального уровня. Исследовательскую перспективу имеет тема влияния культурных процессов на социально-экономическое развитие российских регионов. Новые реиндустриализационные процессы будут разворачиваться в пространстве взаимодействия комплексных идентичностей, сложных социальных коммуникаций.

Перечень основных работ, опубликованных по теме диссертации
Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных
результатов исследований,

в том числе, входящих в информационную базу Scopus и Web of Science

1. Zamaraeva Yu.S. Experience in the preservation and development of the Evenki language in the Evenki municipal district of the Krasnoyarsk Krai on the basis of the analysis of Evenki archival documents //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. V. 11. № 8. P. 1327–1369.
2. Замаараева Ю.С., Резникова К.В., Копцева Н.П. [и др.]. Региональная специфика социальных ценностей и их влияние на процессы модернизации территорий Центральной Сибири (на материале исследований Красноярского края) //Економічний часопис-XXI. 2016. Т. 160. №. 7–8. С. 92–95.
3. Zamaraeva Yu.S., Reznikova K.V., Sergeeva N.A. The sociocultural problems of teaching the Entsy language //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. V. 11. № 7. P. 1137–1150.
4. Zamaraeva Ju.S., Sergeeva N.A., Fil'ko A.I. Measures on the preservation of the language of the small-numbered indigenous peoples based on the results of field studies and scientific research in the Evenk municipal district of the Krasnoyarsk Krai //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. V. 11. № 4. P. 679–694.
5. Zamaraeva Y.S., Luzan V.S., Metlyaeva S.V. [et al.]. Religion of the Evenki: history and modern times //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. V. 12. № 5. P. 853–871.
6. Zamaraeva Yu.S., Kistova A.V., Kolesnik M.A. [et al.]. Krasnoyarsk Urban Environment: Main Characteristic //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. V. 12. № 6. P. 1106–1123.
7. Zamaraeva Yu.S., Kistova A.V., Kolesnik M.A. [et al.]. Ethnocultural space of Krasnoyarsk krai: The current state //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. V. 12. № 8. P. 1552–1567.
8. Zamaraeva Yu.S., Amosova M.A., Koptseva N.P. [et al.]. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. V. 12. № 8. P. 1524–1551.
9. Zamaraeva Yu.S., Koptseva N.P. History of complex identity research //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. V. 13. №. 7. P. 1216–1229.
10. Zamaraeva J.S., Reznikova K.V., Kistova A.V. [et al.]The current state of traditional socio-cultural practices of indigenous peoples of the North (on the example of cultures of Selkups, Nenets and Essey Yakuts) //Life Science Journal. 2014. V. 11. №. 12. P. 126–132.
11. Zamarayeva Y.S., Kistova A.V., Pimenova N.N. [et al]. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic //Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V. 6. №. 3. P. 225–232.

12. Zamaraeva Yu.S., Koptseva N.P., Pimenova N.N. [et al.]. Regional Peculiarities in Modernization Processes within the Territories of Central Siberia //International Review of Management and Marketing. 2016. Т. 6. №. 4. P. 857–865.

13. Zamaraeva Yu.S., Koptseva N.P., Kistova A.V. [et al.]. Place management: Decoding the visual image of a Siberian city //Journal of Applied Economic Sciences. 2016. V. 11. №. 6. P. 1143–1155.

14. Zamaraeva Y.S., Reznikova K.V., Seredkina N.N. [и др.].The traditional economy of indigenous peoples of central Siberia (the case of the Selkups) //International Journal of Economic Research. 2017. V. 14. №. 15. P. 261–270.

15. Zamaraeva J.S., Kistova A.V., Pimenova N.N.[et al.] Research possibilities for studying the indicators of quality of life of indigenous peoples of the North (based on the study of indigenous peoples of the North of Russia) //Life Science Journal. 2014. V. 11. №. 6s. P. 593–600.

в научных журналах, входящих в перечень ВАК

16. Замаараева Ю.С. Возможности современных культурных исследований для развития теологических учебных дисциплин в российских университетах //Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. С. 413.

17. Zamaraeva Yu.S. What are global transformations experienced by the indigenous peoples of the North? //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. V. 7. № 10. P. 1705–1718.

18. Замаараева Ю.С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX – нач. XXI вв. (на примере Красноярского края) //Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 649.

19. Замаараева Ю.С. Глобальные трансформации, которые переживают индигенные народы Севера //Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1882.

20. Замаараева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках //Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

21. Замаараева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности //Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75–89.

22. Zamaraeva Yu.S., Koptseva N.P., Sertakova E.A. Sociocultural research of the cultural requirements of the residents of the Krasnoyarsk city //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. V. 11. №. 4. P. 1577–1588.

23. Замаараева Ю.С., Копцева Н.П., Кирко В.И. [и др.]. Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке //Современные проблемы науки и образования. 2012. №. 3. С. 323.

24. Zamaraeva Yu.S., Reznikova K.V. Dolgan Children’s Literature: History and Specific Features //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2016.V. 9. № 9. P. 2022–2043.

25. Zamaraeva Yu.S., Reznikova K.V., Seredkina N.N. Perspective Formats for the Development of Decorative and Applied Art of the Indigenous Peoples of the Krasnoyarsk Territory //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2017. V. 10. № 10. P. 1573–1593.

26. Zamaraeva Yu.S. Phenomenological description of classical music as an ethnos-forming element of Yakut Culture //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2015. V. 8. № 4. P.707–721.

Монографии, учебные пособия:

27. Социальная (культурная) антропология: учеб. пособие / Н.П. Копцева, Ю.С. Замараева, К.В. Резникова [и др.]. Красноярск: СибФУ, 2011. 240 с.

28. Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций /Н.П. Копцева, Е.А. Сертакова, Ю.С. Замараева [и др.]. Санкт-Петербург: Эйдос, 2011.174 с.

29. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций /под ред. Н.П. Копцевой. Красноярск: СибФУ, 2012. 639 с.

30. Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения /под ред. Н.П. Копцевой, О.А. Карловой. Красноярск: СибФУ, 2013. 490 с.

31. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры /Н.П. Копцева, А.Е. Амосов, Ю.С. Замараева [и др.]. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2018. 246 с.

32. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе /Н.П. Копцева, Ю.С. Замараева, Н.А. Сергеева [и др.]. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2018. 210 с.

33. Создание произведений детской литературы на родных языках коренных народов Севера и Сибири [Электронный ресурс] / Н. П. Копцева, А. Е. Амосов, Ю. С. Замараева [и др.]. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2018. 378 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32748957>

34. Создание детской литературы на языках коренных малочисленных народов севера (Красноярский край). Анализ аналоговых проектов Норвегии, Финляндии, Канады, других стран, где проживают КМНС /Н.П. Копцева, А.Е. Амосов, Ю.С. Замараева [и др.]. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2018. 60 с.

35. Трансформация городской среды Красноярска в 1991–2017 гг. /Е.А. Сертакова, Н.П. Копцева, Ю.С. Замараева [и др.]. Красноярск: СибФУ, 2019. 76 с.

36. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты /Н.П. Копцева, Ю.Н. Авдеева, Ю.С. Замараева [и др.]. Красноярск: СибФУ, 2020.196 с.

37. Стратегические подходы к развитию Арктики и поддержке коренных малочисленных народов Севера (на материале Красноярского края) /Н.П. Копцева, А.Н. Пилясов, Ю.С. Замараева [и др.]. Красноярск: СибФУ, 2020. 196 с.

38. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю.Н. Авдеева, Ю.С. Замараева [и др.]. Красноярск: СибФУ, 2020. 184 с.

39. Сложные формы идентичности: проблемы и исследования / А.А. Шпак, Ю.С. Замараева, Н. П. Копцева. Красноярск: СибФУ, 2021. 281 с.

Статьи и тезисы в других научных изданиях:

40. Замараева Ю.С. К вопросу о воздействии глобальных трансформаций на коренные народы Севера, компактно проживающие в регионах Российской Федерации //Международный журнал прикладных и фундаментальных

исследований. 2014. №. 5–1. С. 113–116.

41. Замаараева Ю.С. Особенности этнической миграции в социально-психологическом восприятии (на материале анализа результатов эксперимента по методике «Серийные тематические ассоциации») //Проблемы общества и политики. 2014 № 9. С. 63–92.

42. Замаараева Ю.С. Исследование отношения к мигрантам в Красноярском крае (результаты ассоциативного эксперимента по методике "Серийные тематические ассоциации") //Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. №. 2. С. 69–80.

43. Замаараева Ю.С. Обзор научно-исследовательской литературы по проблемам изучения культуры коренных народов и коренной идентичности в период 2013–2018 годов //Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ, 2019. С. 180–200.

44. Замаараева Ю.С. О Международной научно-практической конференции «Этническая миграция в Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы» //Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2. № 1. С. 45–51.

45. Замаараева Ю.С. Анализ понятия «глобальные трансформации». Воздействие глобальных трансформаций на культуру и этническую идентичность (теоретическое исследование) //Цифровизация. 2021. Т. 2. № 1. С. 27–40.

46. Замаараева Ю.С. Понятия «нация», «национализм», «национальное государство» как элементы проекта модерна //Социальная антропология Сибири. 2021. Т. 2. № 2. С. 36–67.

47. Zamaraeva J.S. Relation of the migrant and the receiving environment as a phenomenon of the Krasnoyarsk territory modern culture (association experiment results based on the methodology serial thematic associations) //Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2011. V. 4. № 6. P. 805–815.

48. Замаараева Ю.С., Кистова А.В., Колесник М.А. [и др.]. Общая характеристика основных составляющих городской среды Красноярска //Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3. №. 3. С. 43–56.

49. Zamaraeva J.S., Koptseva N.P., Kirko V.I. Characteristic features of ethnic labor migration in the Krasnoyarsk Krai (Central Siberia, Russia) //International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. V. 5. №. 2S. 100–108.

50. Zamaraeva Ju.S., Pimenova N.N., Reznikova K.V., et o. Innovative Qualities of Today's Young Students (As Exemplified by the Siberian Federal University //Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V. 6. №. 6. S7. С. 262–268.

51. Замаараева Ю.С., Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Социологическое исследование культурных потребностей жителей города Красноярска //Урбанистика. 2015. № 3. С. 16–42.

52. Замаараева Ю.С., Резникова К.В., Пименова Н.Н. [и др.]. Управление брендингом сибирской территории в свете" нового регионализма" //Социодинамика. 2016. №. 1. С. 137–161.

53. Замаараева Ю.С. Резникова К.В., Середкина Н.Н. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов

Красноярского края //Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. №. 3. С. 23–41.

54. Замараева Ю.С., Резникова К.В., Пименова Н.Н. История антропологических исследований коренных народов Сибири //Сибирский антропологический журнал. 2017. №. 1. С. 6–21.

55. Замараева Ю.С., Лузан В.С., Метляева С.В., Середкина Н.Н. [и др.] Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков //Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 3. С. 34–47.

56. Замараева Ю.С., Сергеева Н.А., Филько А.И. [и др.] Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) //Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53.

57. Замараева Ю.С., Луцык Д.С. Этническая манифестация или ее отсутствие в студенческой среде Сибирского федерального университета //Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ. 2018. С. 55–58.

58. Замараева Ю.С., Ольхина Д.В. Влияние политики нэпа на приток миграции в Красноярский край //Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ. 2018. С. 52–55.

59. Замараева Ю. С., Севруженко Н. С., Семакова Н. А. Этническое осознание армян в региональном информационном пространстве Красноярского края //Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI в: опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ. 2018. С. 47–51.

60. Замараева Ю.С., Антипенко Е.Д. Особенности социокультурной адаптации иностранного студента в Сибири (на примере жизни студента Сибирского федерального университета) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ. 2018. С. 205–210.

61. Замараева Ю.С., Луцык Д.Н., Антипенко Е.Д. Специфика понимания слова «этнос» в современной молодежной среде города Красноярска (результаты ассоциативного эксперимента) //Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ, 2020. С. 130–143.

62. Замараева Ю.С., Жанкова Л.А., Чистова В.А. Специфика культурных практик этнических групп, проживающих на территории Красноярского края //Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ, 2020. С. 144–158.

63. Замараева Ю.С., Сторожев Ю.О., Зборовицкая Н.Н. [и др.]. Доминирующие культурные практики этнических групп Красноярского региона

//Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI вв.: опыт и перспективы: сб. науч. тр. конф. / Красноярск: СибФУ, 2020. С. 159–166.